

2025

ГОД ЗАЩИТНИКА
ОТЕЧЕСТВА

«БЕЗ СРОКА ДАВНОСТИ»

Сборник конкурсных работ
победителей регионального этапа
образовательно-просветительского проекта
(сочинения и исследовательские проекты обучающихся)

Министерство образования Свердловской области
Государственное образовательное учреждение
дополнительного профессионального образования Свердловской области
«Институт развития образования»
Отдел сопровождения конкурсов

«БЕЗ СРОКА ДАВНОСТИ»

Сборник конкурсных работ
победителей регионального этапа
образовательно-просветительского проекта
(сочинения и исследовательские проекты обучающихся)

Екатеринбург
2025

ББК 74.200.52 (235.55)

Б 39

Автор-составитель:

Сереженкова О. В., заместитель заведующего отделом сопровождения конкурсов ГАОУ ДПО СО «ИРО».

“ИРО”

Б 39 «Без срока давности»: сборник конкурсных работ победителей регионального этапа образовательно-просветительского проекта (сочинения и исследовательские проекты обучающихся) / Министерство образования Свердловской области, Государственное автономное образовательное учреждение дополнительного профессионального образования Свердловской области «Институт развития образования», отдел сопровождения конкурсов; авт.-сост.: О. В. Сереженкова. – Екатеринбург : ГАОУ ДПО СО «ИРО», 2025. – 76 с.

Сборник содержит конкурсные материалы образовательно-просветительского проекта «Без срока давности». В этом издании представлены сочинения победителей регионального этапа Всероссийского конкурса сочинений «Без срока давности» и проекты победителей регионального этапа Всероссийского конкурса исследовательских проектов «Без срока давности» за 2021–2025 годы.

Настоящие материалы могут использоваться педагогическими работниками в деятельности по выявлению, поддержке и развитию способностей обучающихся в образовательных организациях на разных ступенях образования, а также в дополнительном образовании. Настоящие материалы могут быть полезны в работе как учителей-предметников, так и классных руководителей при организации внеурочной деятельности по патриотическому воспитанию обучающихся.

Утверждено Научно-методическим советом ГАОУ ДПО СО «ИРО» от 26.05.2025 № 6.

ББК 74.200.52(235.55)

© ГАОУ ДПО СО «Институт развития образования», 2025

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	5
РАЗДЕЛ 1. РАБОТЫ ПОБЕДИТЕЛЕЙ РЕГИОНАЛЬНОГО ЭТАПА ВСЕРОССИЙСКОГО КОНКУРСА СОЧИНЕНИЙ «БЕЗ СРОКА ДАВНОСТИ»	7
Гребенщикова А. И. Рассказывайте детям о войне.....	8
Осташова В. Е. Старший брат	11
Тюлькина О. Д. Листая пожелтевшие страницы.....	14
Ежов Г. А. Убийственный гамбит.....	18
Упорова П. Н. Единственная любовь.....	20
Гизатулина В. Д. Фиалка	22
Пилипчук К. В. Судьба семьи в судьбе страны	26
Михайлов Т. А. Коленька	30
Нургалеева Д. Д. Вернется с фронта человек.....	32
Бабкина М. Д. Разговор о важном	35
Пономарева Ю. Е. Горошина	39
Полушкина М. А. Совсем не детская книжка-малышка.....	42
Сабурова Е. А. «Лёгкими босыми ножками» навстречу судьбе	46
Ягофаров А. А. Мой друг Ромка (по материалам дневника Ромы Кравченко-Бережного из «Детской книги войны»).....	49
Шкода А. В. Между разумом и сердцем	52
Данилов М. А. Обретая бессмертие на дорогах войны...	55
Ежов Г. А. Остров тишины	57
Мамедов А. В. Ленинградский метроном... сквозь годы	60
Азимова С. Х. кызы Встреча в пути.....	65
РАЗДЕЛ 2. РАБОТЫ ПОБЕДИТЕЛЕЙ РЕГИОНАЛЬНОГО ЭТАПА ВСЕРОССИЙСКОГО КОНКУРСА ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ПРОЕКТОВ «БЕЗ СРОКА ДАВНОСТИ»	69
Цуранова Ю. С., Арбузова А. А. На братских могилах не ставят крестов...	70
Ягофаров А. А. Роль периодической печати в поднятии боевого духа и сплоченности советского народа во времена Великой Отечественной войны	70
Закопаева В. Р., Мордвинова Н. А., Филистеева З. Д. Три судьбы одной войны	70
Пономарева А. Э., Кузьмичева И. Н. Великая Отечественная война в искусстве	71
Синельникова Д. А. Планы Третьего рейха по уничтожению народов СССР.....	71
Айтиеva И. С., Гайнуллина А. Д., Павлова Д. В. Архивные документы как возможность узнать правду о геноциде советского народа в годы Великой Отечественной войны...	71

Шорохова Ю. А., Татарченков С. П. Мигачева Александра Ильинична – узник фашистских лагерей	72
Мережников А. А. Судебные процессы над нацистами и их наймитами в годы Великой Отечественной войны: есть ли срок давности?.....	72
Скляр В. В. Нельзя забыть – трагедия 214 детей-инвалидов Ейского детского дома ...	72
Коновалов Е. Д. Планирование и осуществление нацистской Германией геноцида в СССР: документы, деятели и организации	73
Торовина Е. В. Узники концлагеря Бухенвальд – бесплатная рабочая сила Третьего рейха	73
Долматова К. Р. Лишенные права на детство.....	73
Михалева У. М., Червяков В. И., Султанишина М. М. Без срока давности	74
Скутин В. Д. Геноцид в судьбах Артемовского	74
Палагина Е. А., Сиваев А. Е. «ГОВОРЯТ УЗНИКИ ФАШИЗМА», или книга, которая потрясла...	74
Лыжина А. Ш. Нельзя забыть!.....	75
Белоносова В. А., Лобанов А. С. Эхо Нюрнберга. Блокада Ленинграда признана геноцидом советского народа	75
Бутырлева А. М. Саласпилс: история, написанная сердцем	75
Галкин Д. В. История одной фотографии.....	76
Попова В. С. Вы, совершая подвиг трудовой, всем доказали: мы – непобедимы!.....	76
Мельников С. А. «Учителя» и «ученики»: военные преступления нацистов и неонацистов в Курской области».....	76

Введение

Институт развития образования Свердловской области является региональным оператором Всероссийского конкурса сочинений и Все-российского конкурса исследовательских проектов, которые объединены образовательно-просветительским проектом «Без срока давности».

Образовательно-просветительский проект «Без срока давности» был организован с целью сохранения исторической памяти о трагедии мирного населения СССР – жертв военных преступлений нацистов в период Великой Отечественной войны.

По прошествии 80 лет некоторые западные политики пытаются переписать события Великой Отечественной войны, сознательно исказяя историю и оскверняя память о Великой Победе советского народа над фашизмом. Но память о войне жива и будет жить дальше в сердцах нашего и всех будущих поколений российских патриотов.

Преступления против человечности не имеют срока давности – это одна из основ международного права. Правосудие совершается не только в залах судов и трибуналов. Народная память – это тоже суд. Подлинный суд истории!

Перед Вами не просто сборник детских творческих работ (сочинений и исследовательских проектов), а книга Памяти – памяти о Великой Отечественной войне. Эти творческие работы выполнены внуками и правнуками участников тех далёких событий, детьми, живущими в мирное время, но понимающими жестокость и трагичность военного лихолетья, ужас событий Великой Отечественной войны.

Эти работы – удивительное проявление детских талантов. Читая сочинения и просматривая видеоролики, понимаешь, насколько богата Россия замечательными людьми, насколько жива память в сердцах благодарных потомков. В конкурсных работах нашли отражение события Великой Отечественной войны в преломлении истории регионов, городов и деревень, семейных историй, творчества писателей и поэтов, драматургов и композиторов, истории создания мемориалов Великой Отечественной войны.

Эти сочинения написаны сердцем, эти проекты выполнены с душой, каждая история неповторима и оригинальна.

В конкурсах сочинений и исследовательских проектов «Без срока давности» проявился не только литературный и исследовательский талант, но и творческая и социальная активность подрастающего поколения, активных граждан России.

Хочется поблагодарить не только авторов лучших работ, вошедших в этот сборник, но и родителей, бабушек и дедушек, передающих детям память о своих предках, любовь к истории нашей Родины. Особая благодарность учителям, под руководством которых ребята готовились к конкурсам, ведь за каждой работой незримо стоит многолетний труд педагогов.

ГАОУ ДПО СО "ИРО"

Работы победителей регионального этапа

Всероссийского конкурса сочинений
«Без срока давности»

ГАОУ ДПО СОРО

Раздел 1

Гребенщикова Анастасия Игоревна
6 класс
МАОУ гимназия № 99
г. Екатеринбург

Тематическое направление:
«Великая Отечественная война
1941–1945 гг. в истории семьи
участника Конкурса»
Жанр сочинения: эссе

Рассказывайте детям о войне...

*Пусть уличит истерзанное детство
Тех, кто войну готовят, – навсегда,
Чтоб некуда им больше было деться
От нашего грядущего суда.*

О. Бергольц

Вот и очередной – семьдесят шестой год Победы – уже шагает по планете. Становится историей страшнейшее из преступлений – фашистское нашествие, кровавое варварство, каких никогда ранее не знал мир.

Казалось бы, все уже понятно и давно расставлено по своим местам. Но увы... Включаю однажды телевизор: на Первом канале передача «Время покажет». Взрослые люди кричат. Спорят о чем-то ожесточенно. Прислушиваюсь... Кто-то хочет осквернить память о войне. О той самой – священной! – о которой в День Победы со слезами вспоминает дед. Бегу к деду, кричу возмущенно: «Дед, ты слышал? Говорят, что немцы-освободители, а не мы. Как же это! Неужели такое может быть?!»

Дед, чуть прищурившись, призадумавшись на минуту, начал издалека:

«Суди сама, дочка... Жили мы тогда всей семьей в Белоруссии, в деревне Букча. Эта территория одна из первых была захвачена фашистами. Мне не было и полных шести лет, когда в наше село ворвались немцы. Они согнали всех жителей на площадь, расставили пулеметы, а вокруг них на колени поставили и детей, и взрослых... расстрелять собирались. Сердце в тот момент точно замерло в груди, сжалось от страха. Мы с братьями были рядом друг с другом, за руки держались, чтобы не потеряться. «Молитесь!» – сказала нам тихо мама. Но вдруг фашисты забегали: в небе появились самолеты. Все вокруг превратилось в сплошной хаос! Какой-то дедушка громко закричал: «Бегите люди! На болота бегите!» И все, как по команде, рванули врассыпную... Немцы стали

хаотично стрелять, многих убили, нам посчастливилось выжить. Все, кто успел убежать, спрятались на болоте...

Дедушка говорил медленно, с остановками, тяжело вздыхая.

– Так в голоде, холоде мы жили на болотах, скрываясь от фашистских захватчиков. Казалось, что уже ничего страшнее и быть не могло, но оказалось, что это не так. Как-то ранним утром нас разбудили выстрелы и крики. Фашисты кричали: «Партизан! Партизан!» – и стреляли автоматной очередью...

Дед замолчал, пытаясь проглотить подступивший к горлу ком. А я вдруг отчетливо представила, что переживал дед в эту минуту.

До войны это были самые обыкновенные мальчишки и девчонки. С детскими забавами и проказами, с веселыми играми, задорным смехом. Учились, бегали, озорничали, разбивали носы и коленки. Было счастье – настоящее, солнечное, с маминым смехом, с папиными рыбалками, с веселыми праздниками и любимыми игрушками... Мир перевернулся в один миг, превратив счастливое, беззаботное детство в ад...

Вздохнув глубоко, будто ему не хватало воздуха, дед заговорил снова.

– Оставшихся в живых били прикладами, сапогами, мы падали на землю, пытаясь спрятать лицо от ударов. Когда приказали встать и построиться в колонну, многие остались лежать. Навсегда. А какие мы были партизаны?! Самому старшему из нас 10 лет было... Так мы и попали в сортировочный лагерь в Бресте.

Дед снова замолчал, пытаясь сдержать слезы...

– А потом был концлагерь на Украине. У нас брали кровь для раненых фашистов. Я боялся умереть. Очнешься утром, а кругом дети так и не проснулись... Нам давали сырье початки кукурузы. Когда мы их ели, у нас текла кровь из десен. Заставляли пить мутную, грязную воду с какими-то непонятными хлопьями. От нее тоже умирали – от страшной боли в животе. А еще на нас натравливали собак. И били... Усердно. Каждый день. Нам даже номера не присваивали, потому что мало кто выживал. Вот и суди, дочка, освободители то были или звери...»

Рассказ деда Василия заставил меня ужаснуться. Варвары! Жестокие и беспощадные! Неужели это кто-то может оправдать?! Нет! Не могли они быть освободителями.

Война и дети. Нет ничего страшнее, чем эти два слова, поставленные рядом. У детей войны разные судьбы, но всех их объединяет общая трагедия – невосполнимая потеря прекрасного мира детства. Хрупкие детские души война сжимает стальными тисками боли, страдания, голода, раня и калеча их... И нет ничего отвратительнее и преступнее, чем эта война.

Страшно представить, как испуганные, потрясенные, не в срок повзрослевшие маленькие герои противостояли войне. Война научила этих детей терпеть и молчать. Хлебнувшие горя, взглянувшие в глаза смерти, они не кричали, не плакали, ни о чем не молили. Лишь ужас в широко открытых глазах... Дед говорил, что все дети, оказавшиеся в концлагере, быстро усвоили урок: закричишь, заплачешь – расстрел. Устал, упал – в газовую камеру...

Фашистские нелюди стреляли в детей ради забавы, ради животного удовольствия, их сжигали живыми, вешали. Это было. Было! Фашисты мучили детей. Вот правда. Мы, дети XXI столетия, не знающие войны, не ощущившие на себе ее отвратительного дыхания, должны сохранить эту правду. Сохранить, чтобы рассказать ее своим детям, внукам и правнукам, чтобы никто и никогда ни на минуту, ни на секунду не позволил усомниться в том, что именно советскому народу мир должен быть благодарен за спасенное человечество.

А я благодарна моему деду Василию Илларионовичу Колесному, рассказавшему мне эту правду о войне и открывшему еще одну героическую страничку в большой «книге» под названием «Победа».

Историческая справка

Мой дедушка, Василий Илларионович Колесный родился в 1936 году в деревне Букча Лельчицкого района Гомельской области. Сейчас он живет в селе Плотниково Притабольного района Курганской области. Является ветераном Великой Отечественной войны.

Когда линия фронта подошла к Бресту, все дети были вывезены на Западную Украину и проданы в рабство частным землевладельцам. Мальчиков выкупали за 50 карбованцев (украинская денежная единица), а девочек выкупали за 30 карбованцев. Дедушку и его брата Федора выкупила бывшая помещица для работы на своей усадьбе. Брату Федору удалось тогда написать домой письмо, в котором сообщил о том, где они находятся. При получении письма мать отправила информацию в НКВД СССР. В январе 1945 года дедушку и брата забрали сотрудники НКВД СССР, привезли в детский дом на территории Белоруссии. В детский дом своего района они попали лишь в августе 1945 года, откуда потом были отправлены домой.

Рассказывайте детям о войне!

Пусть ваша память к ним в сердца стучится.

Рассказывайте детям о войне...

Чтоб никогда войне не повториться!

N. Вербицкая

Старший брат

– Боря! Борька, гляди, что я нашёл! Родион вбежал в комнату радостный, будто только что откопал клад.

– Что там у тебя? – отозвался Борис, сняв очки и оторвавшись, наконец, от учебника физики. Мальчишка подошёл к нему и, будто по секрету, медленно раскрыл свои маленькие, испачканные землёй ладони, в которых лежали две крохотные неказистые картошки.

– Ты где их взял? – Борис нахмурился. – Стацил, небось?

Родион изумлённо посмотрел на него пронзительно-голубыми глазами.

– Нет. Я в подвале их нашёл... – тихо ответил он, протягивая картошки Борьке. – Давай сварим их. Есть хочется... очень... – Родион перешёл на шёпот. Он уже отвык жаловаться – видел, как Борьке тяжело. А тот лишь посмотрел на него молча, будто с сожалением, вздохнул, опустив голову:

– Пойдем сначала воды наберём, у нас закончилась...

Родион сунул картошки в Борькины холодные руки и туже затянул на шее свой ярко-желтый, почти под цвет волос, шарф:

– Пойдем, – твердо отчеканил мальчишка, – я подожду тебя в коридоре. Он вышел из комнаты и направился к входной двери: там, слева, на гвоздике, висела мамина коротенькая шубка, которую Родька натягивал поверх своего пальто всякий раз, как собирался выйти на улицу, – так мама велела.

Боря убирал со стола учебники, огрызок карандаша легонько ударился о дно стаканчика для ручек: на рабочем месте всегда должен быть порядок – так учили родители. Сейчас мальчик невольно думал о них. Когда началась война, Боре Майскому только-только исполнилось тринадцать лет. Конечно, он, как и все мальчишки его класса, хотел пойти на фронт, ведь фашисты подошли к самому Ленинграду. Но толстые линзы его очков выдавали Борьку с головой: какой из него воин с таким-то зрением! А теперь, когда Ленинград взяли в кольцо, вырваться из города уже почти невозможно. Да и Родька, сосед, остался бы один... Тот ещё не знал, что его маму убило снарядом, когда она возвращалась с завода домой. А Боря не знал, как сказать об этом семилетнему Родиону. Из семьи Тарелкиных он остался один: на отца ещё летом пришла похоронка, о чём мальчишка тоже не знал. Отец же Бориса, судя по последней весточке,

воевал под Ленинградом, а мама... Она собиралась эвакуироваться на Урал вместе с мальчиками, но голод, страшный голод... Её больше нет. Уже седьмой день... Борис почувствовал, что опять подступают слёзы, и больно-больно прикусил нижнюю губу – это помогало отвлечься от тяжёлых мыслей. А ещё забота о Родьке и учёба: учил законы Ньютона, рассматривал на глобусе горы и моря, читал стихи Пушкина, Лермонтова – эти книги ещё остались... Родиона тоже заставлял учиться; тот, хоть и ворчал, всегда добросовестно выполнял Борькины задания.

Когда они ходили за хлебом, который получали по карточкам, Боря уже на улице отщипывал от своего пайка маленькие кусочки и клал их Родиону в рот. Родя маленький, а он, Боря, большой, он потерпит, ведь он Родиону как старший брат. Родя спокойно стоял у порога, ожидая, когда Борька сложит свои книжки, потом они возьмут санки и два больших ведра и пойдут на набережную черпать воду. Он уже чувствовал, как в ледяной воде замёрзнут его руки, и слегка морщился. Родион боялся выходить на улицу, но с Борей было лучше, чем сидеть одному в огромной, холодной и пустой квартире, дожидаясь его и боясь, что он может не вернуться. Когда-то здесь было шумно и весело. В комнате около кухни жила семья Майских: дядя Петя, тётя Маша и их сын Боря. В двух комнатах напротив – Нечаевы: тётя Зина, дядя Паша и их шестеро детей. Рядом с ними – Максим Ефремович, одинокий старик, которого все называли дедушкой. Около входной двери была их комната – Родьки и его родителей. А рядом ещё одна, маленькая, в ней жили баба Стеша и её внучка Верочка, хохотушка и модница. Верочка работала телефонисткой. С началом войны она первая ушла на фронт. Потом ушли папа Родьки, дядя Петя, дядя Паша... А потом один за другим исчезли все, кроме Бори и Родьки.

Боря возился недолго – вскоре они уже шли по улице, таща за собой по снегу санки с вёдрами. Родион от усердия даже пыхтел, а Борька, совсем озябший в своём осеннем пальто, шёл и мелко дрожал, пытаясь согреть дыханием хотя бы руки. Это мало помогало. От холода не спасал и старый отцовский свитер, рукава которого закрывали кисти рук. Родя всё пытался заставить его забрать этот ярко-желтый шарф, болтающийся у него на шее, но Борис наотрез отказывался, объясняя, что ему, Родиону, мёрзнуть никак нельзя. И Тарелкин его слушался, ведь Боря – старший.

Ступени, ведущие к воде, были скользкими, и Боря не разрешил Роде спускаться по ним. Сам с огромным трудом втащил вёдра на набережную – в каждом воды по половине. Теперь предстояла обратная дорога, надо было торопиться: темнело, да и произойти могло что угодно –

обстрел, бомбёжка... Когда свернули в свой переулок, натолкнулись на лежащего человека. Боря подошёл, наклонился к нему – не дышит.

– Идём! – сказал Роде, стараясь поскорее увести его отсюда. К таким лежащим прямо на улицах людям мальчишки уже привыкли, хоть Родион и боялся их. Боялся, но виду не подавал: у него есть Борька, который всегда рядом и всегда поможет. А у Борьки есть он.

Майский боялся не меньше Тарелкина. Что если они не смогут дойти до дома сейчас? Что если фашисты снова откроют огонь? Что если снаряд разорвётся совсем рядом? Что если... Одна мысль хуже другой...

Вечером, когда Родька читал Борису только что выученное лермонтовское «Ночевала тучка золотая...», кто-то постучался в их квартиру. Оба испугались, но Майский шёпотом велел Родиону спрятаться за диван, пошёл открывать. За дверью стояли соседка тётя Маша и её пятилетняя дочка Любочка.

– Боря... Родя с тобой? – тихо спросила она, глядя ему через плечо.

– Да, тётя Маш. Что случилось?

– Собирайтесь, мальчики. Пойдемте со мной, сегодня на поезде будут эвакуировать детей.

Борька оглянулся. Родион, шмыгая носом, уже вылез из-за дивана и стоял около письменного стола, глядя то на него, то на тёту Машу. Майский снова повернулся к соседке. Ещё с полминуты он молчал.

– Хорошо... Сейчас соберёмся, вы подождите нас.

В поезде было тепло. Теплее, чем в их большой квартире. Родя сидел на коленях у Борьки, сжимая в красных от мороза руках плюшевого зайца и глядя в окно на перрон, где толпились люди. Майский прижал его к себе и думал, что сейчас они отправятся в то место, где будет тепло, где будет хлеб, где можно не бояться выстрелов и взрывов, а Борька не будет постоянно трястись при мысли, что Родя останется один. Таких мыслей больше не будет... Они едут на Урал. Туда, говорят, война не добралась...

Поезд тронулся. Мимо разрушенных домов, мимо измощдённых людей и кряхтящих военных машин с солдатами в серых шинелях он увозил из блокадного Ленинграда к Ладожскому озеру, к Дороге жизни, маленького Родьку – моего будущего прадеда Родиона Ивановича Тарелкина – и его соседа по квартире, ставшего ему настоящим старшим братом, Борю – Бориса Петровича Майского.

Тюлькина Ольга Дмитриевна
11 класс
МАОУ СОШ № 6 с углублённым
изучением отдельных предметов
г. Кушва

Тематическое направление:
«Отражение событий Великой
Отечественной войны 1941–1945 гг.
в истории субъекта Российской Федерации,
города или населённого пункта»
Жанр сочинения: эссе

Листая пожелтевшие страницы...

Слово можно в разящий свинец перелить.

В. Шефнер

Мне, ученице XXI века, о трагических и героических годах Великой Отечественной войны напоминают величественные монументы и скромные обелиски в городах и сёлах, рассказывают произведения искусства, художественные и документальные фильмы... Но особую ценность, на мой взгляд, приобретают с течением времени архивные материалы, документы, средства массовой информации, которые ярко и зримо повествуют о событиях военной поры, передают дух того времени. Как бесценны сейчас те немногие сохранившиеся номера газеты «Кушвинский рабочий» за 1942 год! Газета была средством мобилизации духовных сил народа, она воспитывала стойкость и мужество, с её страниц можно было узнать о подвигах народа на полях сражений и о трудовых подвигах в тылу. Она и сейчас помогает мне узнать, как и чем жил мой родной город в годы войны, какой вклад внёс в победу над врагом, как события Великой Отечественной отразились на её страницах...

С волнением перелистываю пожелтевшие листы и погружаюсь в историю почти восьмидесятилетней давности... Выделяю для себя те элементы дизайна газеты, которые поднимали патриотический дух читателей: рисунки Кремля, плакат «Родина-мать зовёт!», фотографии действующих армий, фото, на котором изображены Ленин, Сталин, Молотов. На газетных полосах – лозунги, призывы: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь для борьбы против немецко-фашистских захватчиков!». Это впечатляет! Испытываю чувство гордости, когда читаю строки Агнии Барто о родном Урале: «Могучий и грозный железный Урал, Священную клятву ты Сталину дал. Как сталь броневая, та клятва тверда, Первыми будем на фронте труда!»

Начинаю знакомиться с содержанием газетных номеров и понимаю, что мне ещё не раз придётся прийти в архив центральной библио-

теки, потому что нельзя, не смогу не прочитать, не понять, не вникнуть в тот материал, который передо мною! Всё содержание газеты соответствует духу военного времени. Первые страницы чаще всего занимают официальные материалы, приказы народного комиссара обороны, передовицы, посвящённые важным вопросам текущего момента. Вот сообщение «Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б)», в котором рекомендуется «первомайские демонстрации не проводить, дабы не отвлекать трудящихся от работы». Передовица в № 57 озаглавлена словами И. Сталина: «Фронт и тыл представляют у нас единый и нераздельный боевой лагерь, готовый преодолеть любые трудности на пути к победе над врагом».

Большая часть газетных публикаций рассказывает о самоотверженном труде рабочих в тылу во имя победы, о передовиках производства. Внимательно вглядываюсь в фотографии и вчитываюсь в фамилии земляков (хотя, конечно, не знаю никого): стахановка полеводческой бригады Е. Д. Злобина, токарь И. Мезенин, слесарь котельного цеха Кушвинской ГЭС тов. Шипицын... Читаю о досрочном выполнении и перевыполнении планов: «Кушвинской электростанцией сэкономлено 155 т. топлива», «на 109% выполнила план молодёжная бригада т. Пирогова Кушвинского хлебокомбината», о социалистических соревнованиях, об ударном труде за право подписать рапорт товарищу Сталину: «Коллектив Кушвинской электростанции, борясь за выполнение клятвы вождю народов товарищу Сталину и за право подписания полугодового рапорта, с честью выполняет свои обязательства. На 24 июня полугодовая программа по выработке электроэнергии выполнена на 105 проц., по теплоэнергии на 102 проц.». Конечно, я знала о том, что в годы войны в моём маленьком городке ковалась победа, на митингах и классных часах я не раз слышала фразу «Фронт и тыл едины», но испытываешь какие-то особенные, трепетные чувства, когда в тишине библиотечного зала, листая пожелтевшие и не всегда хорошо сохранившиеся страницы, ощущаешь дух того времени, и, кажется, далёкая история становится ближе... А вот знакомые фамилии – Блиничев, Леонтьев: «Больше 2-ух десятков лет работает в паровозном депо ст. Кушва слесарь подъёмочного ремонта тов. Леонтьев. Встав на сталинскую вахту... тов. Леонтьев сработал за семерых...» Возможно, мои современники не просто однофамильцы, а потомки этих тружеников? Если так, то знают ли они, каким ударным трудом их деды приближали победу, что о них писали в «Кушвинском рабочем» в далёком 1942 году?

Почти во всех номерах читаю о труде колхозников во имя победы, например «Постановление Кушвинского райсовета и бюро райкома ВКП(б): «О повышении урожайности овощей и картофеля»». Как интересно! Даже

не могла предположить, что в подобных Постановлениях были рекомендации по посадке сортов картофеля («Ранняя роза») или что необходимо «Для борьбы с блошками применять опрыскивание посевов снабдустом». Узнаю о заготовках льна, сахарной свёклы, картофеля и овощей, табака и махорки, о работе школьников на приусадебных участках: «пололи турнепс, окучивали картофель». И пытаюсь осознать, насколько же огромен вклад моих земляков в дело Великой Победы! Поистине – всё для фронта, всё для победы!

Перелистываю пожелтевшие страницы... В постоянной рубрике «От Советского информбюро» освещаются события, происходящие на фронтах. Горжусь мужеством советских солдат, героическим сопротивлением Красной Армии вражеским войскам, радуюсь успехам нашей армии на полях сражений: «Командиру батареи – старшему лейтенанту Баландину стало известно, что по дороге проходит большая колонна войск противника. Внезапным огневым налётом колонна была рассеяна и частью уничтожена». Такие сообщения вселяли в граждан уверенность в победе, в то, что она обязательно будет за нами. Каждый кушвинец, кто проводил на фронт отца, сына или дочь, знал: их близкие тоже приближают этот светлый день. Но до него ещё так далеко! И так нужна ещё нашей армии помошь жителей! Читаю: «У работницы аглофабрики тов. Криницыной три сына сражаются на фронте против немецко-фашистских извергов. Узнав о сборе праздничных подарков, мать фронтовиков первая привнесла хорошую праздничную посылку для воинов Красной Армии».

В некоторых номерах есть заметки, в которых рассказывается о зверствах фашистов на занятых территориях: «Немецко-фашистские изверги подвели шестерых пленных к дереву и развели под ним костёр...», «У 7 красноармейцев выколоты глаза, у многих отрезаны уши, вырваны ногти, вывернуты руки и ноги». Сердце сжимается, леденеет в груди, когда читаю подобную информацию... Но знаю, что эта «наука ненависти» тоже нужна: любовь к Родине и ненависть к врагу и рождают ту «ярость благородную», которая поможет преодолеть все тяготы военного времени.

В июньском номере газеты обратила внимание на материал об образовании: «В Кушвинской неполно-средней школе №5 испытания вчера прошли в четырёх классах. В 4-м классе экзамен держали 30 человек. Писали диктант. Леонид Руденко выполнил работу на отлично». Но «не обошлось и без отрицательных сторон. Шилков не сразу ответил на вопрос: сколько будет от умножения 32 на 3». Удивлена и растрогана: дети, подростки во время войны не только стояли у станка, работали на полях, но и учились! И это ещё одно свидетельство того, как верили

люди, что враг будет уничтожен, наступит мир и жизнь войдёт в свою привычную колею.

Перелистываю пожелтевшие страницы... В каждом номере «Кушвинского рабочего» – объявления: «Кино-МАРС сегодня и ежедневно новый хроникальный фильм «Ленинград в борьбе», «...состоится лекция «Героическая оборона Царицына»», «Кушвинская школа взрослых объявляет приём учащихся на 1942–43 учебный год в 5–10 классы», в школе Азии состоятся «занятия с отстающими в июле». Глубокий тыл жил своей жизнью и при этом был неотделим от жизни всей страны и от событий, происходящих на фронте.

Уверена, что наша городская газета, главным редактором которой в годы Великой Отечественной войны была Галина Александровна Коновалова, представляла собой трибуну, с которой звучала важная мысль: фронт и тыл едины. Каждый номер местной прессы играл огромную мобилизующую роль духовных сил народа. В каждой статье, заметке слово имело огромную силу, вселяя в жителей веру в победу, желание приближать её, трудиться на благо Родины.

Прочитана последняя страница старой пожелтевшей подшивки «Кушвинского рабочего»... Мой родной город стал мне ещё дороже и ближе: в его истории – история моей страны, ратный и трудовой подвиг моего великого народа.

Список литературы и других информационных ресурсов

Печатные издания

Газета // Кушвинский рабочий. – 1942. – №55–94 (май–июль), № 96–155 (август–декабрь).

Электронные ресурсы

<https://nsportal.ru/Iyubov-ghbvthjdf>

Ежов Глеб Артёмович
6 класс
МАОУ «Лицей»
ГО «Город Лесной»

Тематическое направление:
«Военные преступления нацистов и их пособников против мирных жителей на оккупированной территории города, села, района, региона в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.»
Жанр сочинения: рассказ

Убийственный гамбит

Новый спектакль. Новая роль. Премьера завтра. А перед этим у нас с дедушкой заведено сыграть партию в шахматы. Это помогает мне настроиться. Сегодня я за белых, но мысли мои не на шахматной доске. Я думаю о герое моей истории – мальчике Алексе из еврейского гетто.

Фигуры расставлены. Отличие только в цвете. А по форме они одинаковые. Так же едины должны быть и люди. Неважно, кто сильнее, умнее, светлее, темнее... Мы живем вместе. Каждый из нас способен принести в мир частичку себя и оставить ее для других. Хорошую, добрую частичку.

Но на шахматной доске два мира – так и в спектакле разделены дома поляков и евреев, хотя дети по обе стороны очень похожи: учатся, играют, познают мир. Играть, конечно, хочется вместе, но с евреями дружить нельзя. Нельзя говорить с ними, даже смотреть в их сторону...

Зачем же фашисты убивали евреев? Я понимаю, что они придумали в свое оправдание сто аргументов. И всё-таки – что бы они ни придумали...

E2-E4. Я делаю свой первый ход и представляю, что пешка – еврейский мальчик Алекс. Еще несколько ходов, и пешка попадает в окружение. Алекс оказывается в гетто. Это место как тюрьма, но находишься ты в ней не потому, что совершил преступление, а потому, что ты – еврей.

Ферзь меняет позицию, и я теряю одну из самых сильных фигур на доске. Маму Алекса забрали. Она никогда не вернется. Ее расстреляли или отправили в лагерь, выжить в котором почти невозможно. И как двенадцатилетнему мальчику понять, что это не болезнь или несчастный случай отняли у него любимого человека?! Это произошло потому, что так решили фашисты. Просто решили, что человек не нужен. Ребёнку не нужна мама.

Ладья переместилась вперед, я лишился пешки и подумал: «Ничего страшного, пешка не такая важная фигура». И тут внутри похолодело!

Фашисты ведь тоже хотели внушить евреям, что они не достойны жить, что они ничтожны, как пешки.

Вот моя фигура уже на стороне противника. Мне кажется, что я и ее потеряю. Она хоть и моя – белая – но уже не за меня. Алекс тоже выживал среди доносчиков: «Доносчики как немцы. Или хуже... потому что немцам и так никто не доверяет... а доносчик улыбается и разговаривает с тобой, как обычный человек, и только потом, когда никто не видит и не знает, он выдает тебя». У меня от этого темнеет в глазах: люди меняются и предают, обрекают на смерть других, дрожа за свою жизнь.

Конь черных идет в атаку. Он намерен забрать пешку, ладью и двух слонов – фашисты стирали с лица земли всех: будь то мужчина, женщина или младенец.

Черные разыграли гамбит. В шахматах это ситуация, при которой одна из сторон в интересах захвата центра жертвует фигуру. Нацисты предприняли «убийственный гамбит» против целого народа.

Папа Алекса как-то сказал о Гитлере:

- Надо стереть память о нем, вычеркнуть его из истории.
- Нет, – возразил тогда его товарищ, – такие вещи надо помнить...

На доске всего четыре белых фигуры. Несмотря на это, мне удается разыграть удачную комбинацию и черным объявлен мат. Было непросто.

Завтра я выйду на сцену, чтобы сыграть, нет, прожить спектакль вместе с еврейским мальчиком Алексом: «Будем вечно помнить всем нашим большим, добрым, красивым миром! Шах и мат нацистской тьме!!!»

Упорова Полина Николаевна
9 класс
МКОУ «Пионерская средняя школа»
п. Пионерский
Талицкий ГО

Тематическое направление:
«Великая Отечественная война
1941–1945 гг. в истории семьи
участника Конкурса»
Жанр сочинения: рассказ

Единственная любовь

О том, что в Липовке самый лучший плясун был Гришка, никто не сомневался. Ни одна вечёрка, ни одна свадьба не обходились без него. Плясал он упоительно, завораживающе, невольно вовлекая всех в свой танец. Глядя на его проходочки, взмахи руками, выкидывание коленца, казалось, что ты с ним воедино создаешь неповторимый ансамбль. Так думал каждый рядом с Гришкой, забывая о своей неуклюжести, не отрывая глаз от плясуна. Только он у всех был перед глазами, улыбаясь своим загадочным прищуром и белоснежным рядом зубов.

Каждую субботу вся деревенская молодежь собиралась в доме у старой бабки Пелагеи. Она разрешила в своей избе проводить танцульки, но с условием: ребята должны наполнить все кадки с водой, накосить травы для козы, привезти корм во двор и разложить сушить, а девки должны на следующий день начисто вымыть горницу и крыльцо. С обеда в субботу уж весело кипела работа возле дома Пелагеи. А вечером собирались девчата с парнями, Витька-гармонист перебирал все знакомые песни и кадрили, ну и, конечно, Гриша – радость всей деревенской молодежи.

Иван с Надей на одной из этих вечерок и стали приглядываться друг к другу. Знали один другого с детства, да и дома рядом стояли, матери по-соседски частенько забегали в гости за солью, но какая-то искра в сердце молодых промелькнула только сейчас. И душа Ивана наполнялась ликованием и тихой радостью при виде красавицы Надежды. Она взаимно скромно улыбалась, потупив взор, но всегда держала его в поле зрения, сверкая темными зрачками из-под пушистых ресниц.

Этот летний субботний вечер на редкость выдался прохладным. Разгоряченная после танцев молодежь вывалила на крыльцо и, с наслаждением вдыхая бодрящий воздух ночи, побрела по деревне, затянув свои песни. Иван накинул на свою ненаглядную пиджак и тихонько потянул Надю в противоположную сторону. Сегодня он готовился сказать ей самое важное, но никак не решался выбрать момент. Уже далеко остались звуки песни, а они все шли и шли молча. Вдруг Иван резко остановился, посмотрел на Надю и заговорил быстро-быстро, словно боясь что-то пропустить.

Этот вечер Надежда Петровна будет вспоминать долгие годы, тогда муж ее впервые назвал своей любушкой, красавицей, говорил, что не может жить и дышать без нее, и, конечно, именно тогда, 21 июня 1941 года сделал ей предложение стать семьей и быть вместе навсегда.

А на следующий день грянула страшная весть. Черным тяжелым камнем залегла она в сердце у Нади: что теперь будет? Как быть? Что я могу сделать, чтобы остановить эту беду? Надолго ли расстанемся?

А Иван не унывал. Сказал, что сыграем свадьбу и тогда на фронт уйду. Надюша в слезы: «Куда же ты? А если пуля немецкая? Если погибнешь в чужой земле? Не пущу!» По-бабы завыла, заголосила на плече Ивана.

Но случилось так, как и хотел будущий глава семьи.

Собрались друзья, родня, односельчане, только теперь уже в родительском доме. Жених с невестой во главе стола. Напутствия, тосты многообещающие и оттого неискренние. Обманчивое веселье, натянутая радость на лицах. Невеста с глазами полными слез, Ваня похлопывает ее по спине: «Ну, будет. Вернусь!» А потом глянул с задором на плясуну Гришку: «А ну, давай пляши!» И вот пошел он с вывертом, то дробью пройдется, то носки проволокет, засвистит, в ладоши захлопает, подпрыгнет на месте. Гармонист без остановки одну за другой выбирает песни: залихватские, веселые. А гости все в оцепенении, молча стоят со слезами. Но только Гришка, запыхавшийся и мокрый, замедляет свой темп, Иван снова кричит ему в отчаянном исступлении: «Пляши!». И он опять пляшет... И вновь ходит вприсядочку, на свадьбу глядит, широко улыбаясь. Только вечером затемно выходит обессиленный Гришка из избы на крыльце и лишь бабке Пелагее признается в ночной тиши: «Мне страшно. Не могу я плясать, зная, что ведь на войну жених уходит, но и не плясать не могу, свадьба как-никак...».

С фронта Иван не вернулся. В 1943 году, в марте, пришла казенная бумажка: «Пропал без вести». И осталась Надя его верной женой. Навсегда.

В истории нашей семьи эта свадьба неизменно была грустным воспоминанием и в День памяти и скорби (22 июня), и в День Победы. А потом как-то тете Наде попалось на глаза стихотворение Евгения Евтушенко «Свадьбы», и оно стало, наравне с этой историей, нашей семейной реликвией.

Моя бабушка помнила, что ее сестра, Надежда Петровна, с горечью говорила: «Сколько же таких плясунов было по всей России, а не уберегли родимых...»

Гизатулина Вероника Дамировна
11 класс
МАОУ «Гимназия № 25»
Город Ревда

Тематическое направление:
«Великая Отечественная война
1941–1945 гг. в истории семьи»
Жанр сочинения: рассказ

Фиалка

*Рассказ, основанный на реальных событиях.
Из истории моей семьи, с необычного ракурса.
Госпиталь деревни Кулюшево, Удмуртская республика.*

А знаете, я люблю их. Они такие же, как и мы. Кто-то вздрагивает от незначительного шороха, прячется и закрывается в себе. Кто-то цветет и благоухает, его румянец расплывается по всему милому лицу и притягивает внимание окружающих. Заботящиеся лишь о себе, они рыщут в поисках еды, комфорта, безопасности. Но только для себя. Встречаются, конечно, открытые и сочувствующие. Сначала думал, что им делать нечего. Исправился. Есть и такие, кто совсем завял. У последних в глазах видно отчаяние и безысходность.

А еще я люблю людей за чувства и эмоции! Горечь, счастье, разочарование, страх, веселье, любовь. Продолжать могу долго, никуда не тороплюсь. Стою и наслаждаюсь очередным летним утренним солнцем. Мне говорят, что я мал и, чтобы разбираться в людях, мне недостает опыта. Пускай. Если наблюдать за людьми могут только неопытные цветки, то я хочу остаться таким навсегда. Цветком Фиалкой.

Сегодня в госпиталь пришла новенькая. Мы с Фикусом и Геранью шутим, что она еще «совсем зеленая» в деле санитарок. Мне она нравится. Один из раненых успел подмигнуть ей, она было растерялась, потом сделала вид, будто ничего не заметила, и решила обходить стороной этого солдатика. Ничего, скоро обоснуетя.

Из разговора двух девушки в белом одеянии я узнал, что её зовут Машей. Эти санитарки, раскрывать имена которых я не буду, завистливо отзывались об ее изящной фигуре и аккуратности, которую всегда подчеркивает главный врач. Это правда. Она любила чистоту, хотя чистота в военном госпитале – вещь труднодостижимая, но возможная. Здесь каждый день несут раненых грязных бойцов, из одежды которых сочится какой-то красный сок. Я тоже плачу и пускаю сок, когда мой листик возвращается рвать какой-нибудь нервный солдат. Но потом моя рана заживает. Рано или поздно. У людей так случается не всегда.

А знаете, я вообще цветок полезный, и я очень рад, что живу. Однажды я поссорился с Фикусом и он в сердцах сказал: «Почему тебя еще не сорвали для настоя от артрита?». Что такое артрит – не понял. Но фиалки действительно лечебные растения. Живу и иногда думаю: вот сорвут меня и что? Кто обо мне вспомнит? Ведь путного ничего в моей жизни не было. Стою только да смотрю.

А я говорил, образуется. Правда, матушка стала обижаться на нее, говорила не возвращаться домой поздно. Со своего окна я часто видел, как Маша оставалась до ночи в госпитале, читая бойцам книжки о добре, о чем-то хорошем, чтобы они чаще отвлекались от тревог. Чтобы жить проще было. Днём она меняла красные бинты на солдатских руках, плечах, головах. Дальше приступала к стирке, от которой ее то и дело отвлекали другие санитарки, что просили помочь перенести очередного пациента. Сначала они носили новоприбывших по четверо, боясь опрокинуть носилки и навредить. Потом приоровились работать в парах. Померить температуру, поставить уколы, провести упражнения, записать состояние больных в специальный журнал, помыть, кого-то покормить, напоить, успокоить. Всё это повторялась в день по несколько раз. Но, что самое главное, она никогда не забывала полить нас.

Ей было непросто, как и всем. Ничего нет мучительнее, чем осознавать свою беспомощность. Маша видела, как увядают люди, как они бледнеют и умирают. Видела, как я понял позже, страшные и невыносимые для людей сцены. И везде этот красный-красный сок, у которого было два послевкусия: несломленный и безысходный.

Так и делились люди. Я видел искалеченных, но несломленных воинов Советской (как мне объяснила Герань) армии, я видел солдат, опустивших руки навсегда. Именно Герань поведала мне впервые о том, откуда берутся люди в госпитале и красный сок. Война. Я был возмущен. Я подумал, что не хочу иметь ничего общего с такими глупцами. Нет, я удивляюсь людям. Пытаются доказать свое превосходство жертвами. Они точно глупцы. Но Маша стала тем человеком, который день за днем развеивал мое мнение о людях глупцах. Всё-таки есть исключения.

16-часовые смены пролетали стремительно. Маша вся в работе. Иногда в слезах. Её слезы были похожи на росу, которую я, как комнатный цветок, в жизни не видел, но представлял. Водяные кристаллы собирались в уголках ее глаз и высыхали, когда после сводки радионовостей с фронта она вставала перед окном, наслаждаясь вечерним воздухом. Мне казалось, она кого-то ждет, но сама не знает кого. Я смотрел на нее снизу. Сейчас она обратила на меня внимание. Каштановые волосы туго сплетены в косу, а косынка сползла на лоб.

– Славные цветы, – едва слышно прошептала она и ушла.

Я понял! Его ждала, верно.

... Прошло семь месяцев, как я дружу с санитаркой Машей. Я очень рад, что она приходит в эту палату. Она все так же трудится, а я изучаю людей. Мимо меня их прошло сотни. Кто-то вызывал недоверие, кто-то восхищение. Но я не перестал считать их глупцами.

... Маша теперь сама обучает новеньких санитарок. В один из инструктажей в палату занесли русого юношу лет двадцати четырех. Красноармеец выглядел слабым. Нога полностью обмотана серыми тряпками. И опять эта кровь (недавно я узнал название красному соку) Мои соседи в земляных горшках говорят, что несколько минут назад из его ноги вынули две пули. Вроде ничего серьезно не задето. Надеюсь. Он мне тоже почему-то понравился.

... И Маше. Ему стало лучше на следующее утро.

– Можно воды... – юноша попытался привстать, но упал на жесткую подушку.

Прибежала Маша, со стаканом воды. Она так скоро летела, обходя койки, что пролила треть стакана на себя. Стакан поставила на тумбу, на которой лежал только цветок фиалки. Ой! Откуда? Нет, это не мой цветок, кажется, уличной фиалки. Очень похож на меня, но цвет – синий, а не фиолетовый.

... Маша вела себя необычно: вертелась, сбивалась, начинала заново. Я слышал, как кто-то шептался поздним вечером рядом с кроватью того юноши. Кажется, они познакомились. Его зовут Миша. Сегодня она не подходила к окну, как делала это каждый вечер. Печально.

... Они точно будут вместе. Я вам обещаю. Остальные раненые стали «ревновать» санитарку к недавно поступившему пациенту. Ведь свободные минуты она посвящает Михаилу, разговорам о жизни, творчестве и, например сегодня, о цветах.

Про войну не говорят. Почему? Мне интересно, что же творится за пределами госпиталя? Его тусклые стены и игру солнечных лучей на них я вижу каждый день. А дальше? Ноги – это, быть может, самая важная вещь. И я их лишен. Я бы путешествовал, знакомился, изучал не только одну единственную палату. Быть людьми – это прекрасно... Почему так несправедлива жизнь?..

А думают ли о противоположном люди? Хотели бы они стать мною когда-нибудь? Когда горе выпало на их долю, когда стало страшно и одиночко, когда нужно высунуться из окопа и стрелять в живого человека? Хотели бы они найти приют на этом деревянном окне с Фикусом и Геранью? Хотят ли они спокойствия?

О войне я немного наслышан и знаю, что война разлучает.

... Прошло несколько недель. Только ленивый не сказал о том, что между Машей и Мишой любовь. Сегодня он подарил санитарке открытку с засушенными белыми фиалками, которые собрал для него за маленький кусочек сахара какой-то раненый, шедший на поправку. Почти все его подарки венчаются фиалками. Кроме фиалок, в композицию он прикрепил какие-то красивые травы-сорняки.

... Мы, цветы оконные, ждем поливки. Миша стремительно выздоравливает. Я, Фикс и Герань думаем, как привлечь к себе внимание. Хоть бы ветер налетел.

... Да, Миша всячески Машу радует. Она старается не уступать в подарках. Несколько раз читала ему стихи, запомнился «Цветок» Пушкина. В общем, любят друг друга, что сказать.

... Герань держится из последних сил. Худо дело. К окну Маша не подходит. А Миша радуется и огорчается одновременно. Радуется, что может быть рядом с любимой девушкой, и огорчается, что, пока его товарищи воюют на фронте, он лежит и бездействует. Что-то с этим надо делать.

... Он подарил ей фиалки. На этот раз живые. Пестрые, фиолетовые, белые, голубые с «фейерверками» внутри. Они хотели, зная, что проживут недолго, они глотали воздух и радовались. А он заключил ее в объятья. А дальше я заснул.... Я заснул и представил, что было бы очень хорошо, если бы война не начиналась. Если бы госпиталь не открывался. Если бы он не получил травму ноги, а она бы не пошла в санитарки и уехала бы к тетке отдохнуть на Юг. Если бы самый опасный вирус 20-ого века, фашизм, не зародился. Если бы люди всегда помнили о том, что они, в первую очередь, люди, не животные и не растения. Было бы хорошо, если бы все всё поняли. Но все идет так, как есть. Люди такие глупцы.

... Не знаю, сколько прошло времени, но я будто заново переродился, когда почувствовал влагу в корнях. Это Маша к нам пришла, понуряя. Я сразу посмотрел на койку Миши, и там его не оказалось. Зато на тумбочке появилась короткая записка для Маши: «Обещай, что будешь ждать и верить, тогда я обязательно вернусь». Такие глупцы. На записочке – фиалка. Теперь моя! Он оторвал мой цветочек, мой фиолетовый бутончик. Теперь их стало три. Ладно. На счастье.

... Много судеб поломала война. Так вышло и у Маши с Мишой. Никто из них тогда не знал, что эти фиалки будут последними в их жизни. С фронта Михаил не вернулся. А через восемь месяцев у Маши родился сын, которого назвали Колей.

Пилипчук Карина Васильевна
1 курс
ГАПОУ СО «Ревдинский педагогический колледж»
ГО Ревда

Тематическое направление:
«Великая Отечественная война
1941–1945 гг. в истории семьи
участника Конкурса»
Жанр сочинения: очерк

Судьба семьи в судьбе страны

В 2015 году я принимала участие в открытом сетевом конкурсе «Наследники Победы», посвященном 70-летию Победы в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.). Одним из заданий было зарегистрироваться на сайте «Бессмертный полк» и написать историю о своих родственниках, которые участвовали в Великой Отечественной войне. Я спросила у бабушки, кто у нас воевал. И в один из вечеров она показала мне аккуратно сложенный жёлтый старый листок, это было письмо с фронта, и рассказала про своего дедушку Гришу. Она узнала эту историю от своей мамы.

19 января 1898 года в селе Молёбка Кишертского района Пермской области у Ивана и Насти Гавриловых родился мальчик, которого назвали Гришенькой. Вскоре в кулачном бою глава семьи погиб, и Анастасия всю жизнь посвятила сыну, помогла окончить начальную школу. Образование у Гриши было 4 класса, рос он смышленым и трудолюбивым, охотно помогал матери по хозяйству.

В 1916 году Григорий был призван в армию, тогда шла Первая мировая война. Григорий попал в плен к немцам. Он жил в богатой немецкой семье, помогал им по хозяйству, по его словам, относились к нему неплохо, кормили и одевали, а он внимательно приглядывался к образу жизни хозяев, удивлялся их основательности, практичности и мечтал, что, когда вернется на Родину, будет крепким, рачительным крестьянином, создаст свою семью, будет заботиться о матери. В плену он был 3 года...

Но, увы, вернувшись на Родину, Григорий снова оказывается на войне, теперь уже Гражданской. Когда закончилась и эта война, Григорию исполнилось 25 лет, он еще молод, полон сил, приводит в порядок дом, работает в колхозе, а вскоре и невеста ему нашлась, тоже труженица, из многодетной семьи. В 1924 года в семье Григория и Евгении родилась первая девочка, Нюра, потом еще две девочки, Лиза и Верочка (младшая, к сожалению, умерла в младенчестве, а вот Лиза и есть моя прабабушка), а вскоре – сын Иван. Казалось, все сбылось, о чем мечтал, живи теперь и радуйся жизни...

В январе 1941 г. Гаврилову Григорию Ивановичу исполнилось 43 года, а в июне началась Великая Отечественная война. Кишертским РВК Молотовской области он был призван вместе со своим родственником Иваном

на войну. Провожали Григория Ивановича всей семьей. Жена Евгения, прощаясь с любимым мужем, дала ему карманную икону Иисуса Христа, которую он пронес через всю войну. Его вместе с родственником Иваном сразу забрали на фронт. Полгода они служили в пехоте, воевали в окопах. Потом пути их разошлись, Григория Ивановича перевели в стрелковую роту на обучение, и больше они не встречались. Позже пришла печальная весть, что Иван погиб на фронте.

В письмах домой Григорий Иванович о себе сообщал скучно, больше интересовался делами дома, детьми, писал жене, чтобы дети обязательно ходили в школу каждый день. Вот одно из его писем с фронта: «Привет на Родину. Здравствуйте, любимая семья: Женя-Еня, дети Нюра, Ваня, Лиза. Шлю я вам сердечный привет и желаю всего наилучшего в жизни вашей. Затем спешу вас благодарить за ваши письма, которые получил сегодня, одно от вас, а другое от свояка Григорья В. Вы пишете мне, что получили от меня фотокарточки, но только неважные. Потому что ехали на машине по городам, минут на 5 остановились и на ускоре фотографировались. Все торопили фотографа. Скорее. Но так они все и вышли, как скорее. Но, быть может, в дальнейшем сфотографируемся лучше. Вы пишите, что дровам и сеном обеспечились. Я этому очень рад. Пишет Ваня, что долго невидится. Почем? Если я останусь жив, я и к нему съезжу, где он будет. Очень хочется хотя бы ненадолго с вами увидаться, посмотреть на свою семью. Но прошу, пишите пока хоть письма чаще. От вас я очень далеко, даже от России. В 4м государстве. Затем досвидания» (орфография автора и диалект сохранены).

Бабушка рассказала мне и про то, как жилось в тылу. А жили, как и все другие советские семьи, очень трудно. Но никогда не жаловались на это в письмах на фронт. Самой старшей дочери, Нюре, было 17 лет, когда началась Великая Отечественная война. И, чтобы её не забрали на фронт копать окопы, мать летом прятала её на огороде в картофельной ботве, а зимой в доме на чердаке. Младшей дочери Лизе было 10 лет. Вместе с братом Иваном они ходили в лес и занимались заготовкой дров: из-под снега доставали ветки, искали сломанные деревья. Иван рубил их на поленья и потом на санках вывозили их из леса. А позже Лиза работала в артели инвалидов, помогала собирать там табуретки и раскрашивать деревянные ложки. Лиза вспоминает: «... Во время войны в каждом доме, где держали корову, овечек и кур, семья должна была сдать определенное количество молока, шерсти и яиц. В Молёбке был свой завод по производству сыра. Я каждый день уносила 3-х литровый бидончик молока на завод. За куриными яичками у нас в определенный день приезжали из сельсовета и забирали их, мы к этому дню старались накопить столько яиц, сколько

было нужно. Хранили мы их в подполе, чтобы не испортились. С овец мы состригали шерсть, и я чесала ее специальными щетками... Я на всю жизнь запомнила запах овечьей шерсти. Из шерсти мама пряла на прядке вручную шерстяные нитки, и мы вязали носки и рукавицы. Их мы уносили в сельсовет и складывали в посылки для фронта, писали записки солдатам: чтобы они хорошо воевали, что мы их помним и ждем домой, чтобы одержали победу над проклятыми фашистами. Эти посылки увозили в Кишерть и отправляли на фронт. Когда я собирала эти посылки, всегда думала о том, что вдруг моя посылка попадет к папе, или о том, что кто-то также позабочится о моем отце и ему будет теплее и легче воевать.

И даже в такое тяжелое время мы с братом Иваном ходили учиться в школу, потому что почти в каждом письме с фронта папа писал, чтобы мы каждый день ходили в школу и не пропускали занятия. Он очень хотел, чтобы мы были грамотными.

Мама всегда выбегала навстречу почтальону в надежде, что придет заветный треугольничек с вестями о нашем отце».

Свой военный путь Григорий Иванович начинал в пехотной роте. Продолжил наводчиком 120 м/м миномета Минометного батальона 5 гвардейской Отдельной Мотострелковой бригады в звании гвардии ефрейтора. Затем получил звание гвардии сержанта и был командиром расчета 120 м/м Миномета Минометного батальона 5 гвардейской Отдельной Мотострелковой Краматорской Краснознаменной Ор. Суворова бригады. Принимал участие в боях Юго-Западного фронта, в обороне Сталинграда, на Третьем и Четвертом украинских фронтах. В конце войны Григорий Иванович был тяжело ранен в живот. В госпитале ему была сделана операция, вырезана половина кишечника, и он очень долго пролежал в госпитале в тяжелом состоянии. От него несколько месяцев не было никаких известий, и его считали без вести пропавшим. Григорий Иванович вернулся домой лишь в августе 1946 года.

А образок Иисуса Христа, что дала ему, прощаясь, жена, был с ним все четыре военных года. Он не раз говорил, что иконка спасала его в боях.

Мой прапрадед Гаврилов Григорий был награжден медалью за оборону Сталинграда, медалью за Отвагу, орденом Отечественной войны 2 степени, орденом Славы 3 степени, медалью за победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Вот выписки из приказов о награждении:

- «работая наводчиком 120 м/м, т. Гаврилов Г. И. отличным знанием своего военного долга, быстрой и точной наводкой в боях с немецкими захватчиками с 5.9.43 г. по 9.9.43 г. уничтожил: 2 автомашины и 1 подводу с боеприпасами и один станковый пулемет, 18 гитлеровцев. 6.9.43 г. при точной наводке т. Гаврилова был разбит блиндаж противника с огневыми средствами..., что дало возможность быстрому продвижению нашей пехоте»;

- «командир расчета 120 м/м Миномёта т. Гаврилов ... 24.08.44 г. со своего миномета уничтожил 2 тяжелых миномета, до взвода пехоты противника, крупнокалиберный пулемет и 7 ручных пулеметов».

Эту информацию о боевых подвигах наша семья смогла найти на сайте Министерства Обороны РФ, когда появился доступ к архивам военных документов к 70-летию Победы.

Весной 1947 года Гаврилову Григорию Ивановичу дали путевку на курорт Цхалтубо в Грузию поправить свое здоровье после тяжелого ранения. После Великой Отечественной войны Гаврилов Григорий Иванович работал председателем Артели инвалидов в селе Молёбка. Там они делали табуретки, стулья, ложки и другие необходимые предметы быта.

Когда у Гаврилова Григория появились внуки, они часто просили его рассказать про Великую Отечественную войну. Но он не любил затрагивать эту тему, она причиняла ему невыносимую боль. Всего лишь один единственный раз он рассказал про войну своей маленькой внучке Надежде. И вот что врезалось ей в память: «Когда дедушка Гриша приезжал к нам в гости, я всегда удивлялась тому, что он ел луковицы, как мы едим яблоки. Он обязательно на ночь съедал одну луковицу. Я как-то осмелилась и спросила его об этом. Он ответил мне, что так на войне они боролись с кишечными инфекциями и благодаря луку он сохранил все свои зубы целыми.

Дедушка Гриша часто говорил мне, чтобы я хорошо училась в школе и не пропускала занятия, так как плохо быть малограмотным человеком».

Григорий Иванович был очень заботливым, добрым и внимательным отцом и дедом. Умер он 10 апреля 1972 года, оставив в памяти детей и внуков лишь хорошие воспоминания о себе.

Такова история жизни моего прапрадеда и его близких. Наверное, она напоминает истории тысяч и тысяч семей, живших в то трудное время. И это не удивительно, ведь судьба человека, его семьи неотделима от судьбы всей страны. Но для меня это особая история, она останется в моей памяти навсегда. А наша семейная реликвия – маленькая икона Иисуса Христа – до сих пор хранится у нас дома. Я очень горжусь, что в моей семье был родственник, который прошел всю Великую Отечественную войну и внёс свой вклад в победу над фашистами и освобождение страны от немецких захватчиков. С 2015 года я ежегодно принимаю участие в шествии «Бессмертный полк», отдаю дань памяти своему прапрадедушке. А в открытом сетевом конкурсе «Наследники Победы», посвященном 70-летию Победы в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.), я заняла первое место, получила диплом и ценный подарок.

Михайлов Тимофей Артемьевич
6 класс
МБОУ СОШ № 13
ГО Ревда

Тематическое направление:
«Преступления против детства в годы
Великой Отечественной войны
1941–1945 гг.»
Жанр сочинения: рассказ

Коленька

Оказывается, чтобы плакать надо много сил. Это Ваня давно понял. Он не плакал, когда его с братом оторвали от мамы на лагерном плацу и заперли в детском бараке. Не плакал, когда было холодно и очень хотелось есть. Не плакал и когда приходили немцы в белых халатах...

Но Коленька был маленький, он плакал часто.

Ваня, как мог, утешал своего братишку:

– Не плачь, Коленька, береги силы... потерпи... скоро наши придут, найдем маму, поедем домой...

Он не говорил ему, что когда его выводили на работы к женским баркам, то среди измощденных женских лиц он мамы не видел, а когда спрашивал о ней, то никто ее имени не знал или не понимал по-русски.

Они спали вдвоем на нижних нарах. Свободных коек было много, дети часто умирали или их забирали куда-то, просто вдвоем было теплее. Ваня растирал ледяные пальчики Коленьки и радовался, когда он, переставая дрожать, тихонько засыпал рядом.

Всегда хотелось есть, всегда... холодная баланда не насыщала, а как будто высасывала остатки тепла из середины тела.

– Коленька, помнишь, раньше было много еды? – спрашивал Ваня. – Хоть сколько ешь...

Но Коленька не помнил. Когда пришли немцы, он был очень маленький, и после этого еды много не было.

Старших иногда выводили на работы, а малышей всегда держали в бараке. К ним приходили «белые халаты». После этого свободных коек становилось больше.

У Коленьки уже три дня подряд брали кровь. Он совсем ослабел и уже не плакал, когда кололи иголкой в руку. Только вздрагивал.

Вчера Коленька не смог подняться с кровати, а после трех ложек баланды, которые Ваня ему скормил, его вырвало.

– Ешь ты, я не могу, – еле слышно прошептал он Ване.
– Коленька, надо покушать, надо...
Ваня гладил худенькие плечи брата.
– Знаешь что? Завтра, когда придут колоть, ты спрячься под кровать, тебя и не найдут... Хорошо?

Ваня целый день на работах волновался за него, практически бежал в барак. Сегодня он порадует братишку. Расскажет о почти весеннем солнышке, а главное – принесет гостинец – горбушку хлеба, которую сберег с обеда.

Братик лежал на койке, на его ручке темнел засохший уже потек крови.

– Коленька, что же ты не спрятался? Просыпайся! Смотри, что я тебе принес! – Ваня потряс руку брата.

– Он давно уже спит. Как эти ушли... Я его бужу-бужу, а он не встает, – к Ване подошла девочка Люба из младших.

– Коленька, Коленька! – позвал Ваня, но сам уже понимал, что его братик не спит.

Когда Коленьку выносили охранники, Ваня впервые в лагере запла-
кал, как будто Коленька вместе со своей вчерашней пайкой баланды отдал
Ване все свои силы и на то, чтобы погоревать, и на то, чтобы надеяться
и дальше жить.

Коленька Смирнов 6-ти лет умер 20 февраля 1944 года в концентра-
ционном лагере Саласпилс (Латвия) в ходе отбора крови у малолетних
узников для раненых немецких солдат, его порядковый номер регистра-
ции – 15 321.

Люба Зайцева 7-ми лет умерла спустя две недели от истощения.

Ваня Смирнов 10-ти лет был освобожден из лагеря летом 1944 года
в ходе наступления русских войск, отправлен в Россию.

О матери Смирновых информации не найдено.

В 1967 году на месте лагеря был создан Саласпилсский мемориаль-
ный комплекс, на входе которого надпись на латышском языке «За этими
воротами стонет земля».

Нургалеева Дарья Денисовна
9 класс
МОУ СОШ № 3
г. Качканар

Тематическое направление:
«Деятельность поисковых отрядов,
общественных организаций и движений
молодежи по сохранению и увековечению
памяти о геноциде советского народа
в период Великой Отечественной войны
1941–1945 гг.»

Жанр сочинения: очерк

Вернется с фронта человек

– Максим... Максим. Максим!

Он нехотя открыл глаза, осмотрелся кругом – никого не было. Но Макс и не удивился: наступил предпоследний день очередной вахты, а к таким пробуждениям здесь он уже начинал привыкать.

Это была его третья вахта. Здесь, у Волгограда, их отряд был летом, сюда же они приехали и сейчас, в октябре–ноябре. Но почему-то именно тут, на этой турбазе, которая так далеко от места раскопок, он впервые проснулся от этого голоса, ещё молодого, но уже уставшего что ли.

В первый раз Максим подумал, что шутит кто-то из ребят. Он проснулся, огляделся, но все спали – оно и понятно: телефон показывал 5 утра. 50 ребят из 12 регионов страны мирно досыпали и, может, досматривали свои сны, накапливали силы для поиска. А Максим не спал. Он явно слышал этот зовущий голос и никак не мог понять, кто это и зачем это. В одном он был уверен – зовут не так просто.

Вот и в этот раз Максим проснулся от этого голоса, ставшего уже привычным, умылся. 05.10. Он вышел из корпуса. «Свежо, почти 0...» – пронеслось в голове, пока выдыхаемый воздух растворялся в предрассветных сумерках. Было ясно, что день будет пасмурный. «Хоть бы не было дождя», – подумал Максим. Поспать больше не получилось. Он прислонился к косяку двери и задумался.

Заселившись в университетское общежитие 29 августа 2018 г., он уже 3 сентября понял, что мероприятия для первокурсников быстро закончатся. Надо было чем-то заниматься. В школе он посещал спортивно-патриотический клуб, но соседи, которые учились на курс старше, сказали, что здесь надо выбрать что-то одно. Неинтересно. Тогда и всплыл в разговоре «СТИКС». Студенческий поисковый отряд. С того дня жизнь поменялась.

Учёба в университете, учёба в отряде, собрания отряда, выездные мероприятия, лекции, музеи, презентации, слёты поисковиков, кураторство, самолёты, палатки, раскопки. А главное – люди, которые так близки по духу,

идеям, отношению к миру, к человеку. И к памяти. Ведь ничто не исчезает бесследно. Хорошо это или плохо, но ничто не может быть полностью забыто. Что-то всегда остается в сердцах людей. А то, что хранится в чьей-либо памяти, никогда не исчезнет. В этом Максим был уверен всегда.

Это была его третья вахта, и первая – поздней осенью. Впервые он был не в палатке, а на турбазе, впервые приходилось добираться до места раскопок долго и грязно, впервые он хотел задержать солнце на небе, чтобы день продолжался дольше. И всё же ни промозглые дни, ни холодные ночи, ни раннее наступление темноты не портили ощущения от этой вахты. Он любил свой отряд, этих уже ставших своими людьми из разных уголков нашей страны, своё дело, которым горел. Да, каждый день было тяжело эмоционально, страшно. Некоторые не сразу были готовы работать с останками, кто-то приходил к этому позже, но всё равно приходил. Как и любой поисковик, наверное, Макс ехал на вахту в предвкушении, в ожидании, с надеждой. И вот теперь этот странный голос. Утром он его будил, днём, всплывая в памяти, заставлял возвращаться мыслями к нему же, перед сном Максим знал, что он проснётся от его зова.

На одной из лекций, которые во время вахты всегда проходят по вечерам, говорили, что «работы проводятся на территории Самофаловского сельского поселения Городищенского района Волгоградской области, на местах ожесточённых сражений 207, 221, 292 и 308 стрелковых дивизий с немецкими войсками в ходе Сталинградской битвы в период с августа 1942 по январь 1943 года».

221 стрелковая дивизия. Сформирована в Свердловской области. «Земляки», – подумал тогда Максим. Той ночью сон почему-то всё не шёл. Макс думал об уральских воинах, которые сражались здесь, всего в нескольких километрах от базы, где ночевали поисковики. Тогда же он нашёл в интернете информацию о боях 221 дивизии, которые велись и в октябре–начале ноября 1942. «Те же дни, что и сейчас. Только 80 лет спустя», – с этой мыслью Макс провалился в сон.

... Утро – хмурое, дождь накрапывает, но мы не унываем! Какое уныние, когда противник в 20 метрах от нас окопы роет! А мы не отстаём! Окопы наши надёжные, сидим парами, отстреливаем немецкие попытки хоть что-то изменить в ходе дел. «Врёшь, не пройдёшь!» – так любил говорить папка, так думаю и я, Володя Старков (как называет меня наш командир). Снайперы наши отрабатывают своё, прицеливаются. Хороши ребята – вчера только 12 врагов убили. Мы уверенно удерживаем свои рубежи, уже на 110 метре держимся, а немцы сидят на 133. Скоро в наступление пойдём. Знаю, победа будет за нами...

Этот сон приснился ему еще несколько дней назад. Макс совсем забыл о нём, но сейчас вдруг осознал, что именно с него и начался этот голос. Странно всё это. Прошло еще некоторое время, и Макс услышал, что ребята стали просыпаться. За завтраком сообщили, что стало известно еще несколько имён бойцов, сражавшихся в этих местах и пропавших без вести. Что ж, за работу.

Он любил работать ножом, а не лопатой, как девчонки из его отряда. Под острым лезвием даже уже начинающая замерзать земля становилась податливой. И в этот раз он тоже аккуратно, но методично втыкал нож, рыхля почву, зная, что, может быть, всего в 40 (а иногда – и в 20!) сантиметрах внизу может найти снаряд (иногда неразорвавшийся) или останки воина, предметы солдатского быта, свидетельства их жизни здесь. По позе бойца он уже мог сказать в какой момент смерть настигла его. Макеим в очередной раз воткнул нож, осторожно взрыхлил землю, аккуратно стал сметать верхний слой, потом еще и еще, слой за слоем. Первое, что он увидел – медальон, солдатский медальон. Дыхание его стало прерывистым, пульс бешено заколотил по всему телу. «Володя», – пронеслось в голове. И тихо улыбаясь, Максим увидел край полуистлевшей ткани.

Эту историю нам рассказал выпускник нашей школы, с 2018 года – боец студенческого поискового отряда «СТИКС» Максим Рязанов.

В период с 24 октября по 4 ноября 2022г на VII-й Межрегиональной поисковой экспедиции «Студенческая Вахта Памяти» общими усилиями было поднято 46 защитников нашей родины. Найдены два медальона, красноармейская книжка и подписанная ложка. По одному из солдатских медальонов удалось установить имя погибшего защитника Сталинграда.

Красноармеец СТАРКОВ ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ 1906 года рождения из Свердловской области Камышловского района деревни Калиновка.

В электронном банке данных «ОБД “Мемориал”» данный военнослужащий не обнаружен. Есть данные на Старкова Виктора Ильича, 1920 года рождения с аналогичным местом рождения, предположительно, младший брат Владимира.

На данном участке осенью 1942 года совместно с другими подразделениями сражалась 221 стрелковая дивизия, сформированная в Свердловской области. Предположительно, Старков В. И. воевал в её составе.

Глава Калиновского Сельского поселения Камышловского района Ольга Александровна Зверева приняла запрос на поиск родственников.

Родственники Старкова Владимира Ильича найдены в Тюмени, им отправлен запрос.

Бабкина Мария Дмитриевна
10 класс
МАОУ «Гимназия № 1»
ГО Сухой Лог

Тематическое направление:
«Преступления против детства в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.»
Жанр сочинения: рассказ

Разговор о важном

Наталья Михайловна, классный руководитель 5Б класса, спешила к своим пятиклассникам, ведь по расписанию у них «Разговоры о важном». Она вошла в класс и объявила тему внеурочного занятия: «Преступления против детства в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов».

– Детство? А что было с ним не так? Дети растут сами по себе и ничего необычного с ними не случается. Их ведь не заставляли держать автомат, – засмеялся главный задира класса Сидоров.

– Не заставляли, – строго ответила Наталья Михайловна. – Но тот страх и те ужасы, который испытали бедные дети в годы войны, не передать словами. – Наталья Михайловна, а может, о другом поговорим, – перебила ее девочка Ксюша.

... Серьезного разговора, к сожалению, не получалось. Наталья Михайловна отчаялась: ее нынешние пятиклассники не хотят ничего знать о Великой Отечественной войне. Когда прозвенел звонок с урока, учительница села за стол и задумалась. Но тут к ней подошла девочка по имени Маша.

– Наталья Михайловна, не огорчайтесь, – проговорила она, – может быть, попробуем изменить мнение класса вместе?

Учительница с удивлением подняла глаза на Машу.

– Моя прабабушка, Валентина Васильевна, – ребенок войны. Она часто рассказывает мне о войне. Прабабушка с радостью примет наше приглашение и расскажет ребятам о своем нелегком детстве, опаленном войной. – А это идея! – воскликнула Наталья Михайловна. – Тогда в следующий понедельник приглашай свою прабабушку в школу.

Прошла неделя. И снова по расписанию «Разговоры о важном».

– Здравствуйте, ребята. Садитесь. Как показал наш предыдущий разговор, моим словам вы не верите, поэтому сегодня занятие проведу не я, а приглашенный гость: прабабушка Маши Бабкиной – Валентина Васильевна Гусева. В класс вошла пожилая женщина невысокого роста, сгорбленная, в ажурной блузке, глаза ее сияли.

– Здравствуйте, ребята. Меня зовут Гусева Валентина Васильевна. Мне очень приятно находиться здесь, рядом с вами, и рассказать вам

о своём детстве. Когда началась война, мне было 5 лет. Детей в семье было четверо: я и трое моих братьев. Отец ушёл на фронт в конце лета сорок первого. Мы всей семьёй провожали его от военкомата, цеплялись за его за штаны и плакали, а он едва сдерживал слёзы, прощаясь с нами. Проводили – и больше его не видели.

Бабушка неспешно вела рассказ, а Маша наблюдала за реакцией класса. Все ребята и даже те, кто сидел на последних партах, внимательно слушали рассказ Валентины Васильевны.

– Босоногие, голодные, мы с утра до вечера бегали по улицам. Летом «обитали» в лесу: собирали пестики, траву и разные коренья. Вместе с нами в лес ходили раненые из госпиталя. Они отдыхали, а мы набивали травой животы. Иной раз кто-нибудь из солдат пороется в карманах, найдёт конфетку, всю в табаке, или кусочек сахара и нас угостит. Какие же мы были счастливые и радостные в этот момент! Если угостят меня, братья тут же начинают просить: «Валька, дай лизнуть конфетку». Мальчишки весь табак слизнут, лишь бы до сладкого добраться. И кажется, что вкуснее этой конфетки в табаке ничего в мире нет! Солдаты же, глядя на нас, плакали. Жалко им было нас, да и своих детишек, наверное, они вспоминали.

В этот момент на глазах у пятиклассников появились слёзы. Ребята тихо всхлипывали, украдкой вытирая выступившие слезы. У Натальи Михайловны тоже появился ком в горле, но, решив не показывать свои эмоции, она поинтересовалась у рассказчицы:

– Я всегда думала, что жуткий голод довелось пережить только ленинградцам. Неужели в годы войны здесь, на Урале, в глубоком тылу, людям тоже жилось несладко?

– Да, мы тоже голодали. Еды на всех не хватало. Колхозы и совхозы отправляли все продукты на фронт, а мы перебивались как могли. Самый трудный был сорок второй год. Наша семья увеличилась: весной мама родила младшего братишку, поэтому картошку не успели посадить. Честно сказать, она надеялась, что война быстро закончится, отец вернётся домой и жизнь станет прежней... Но чуда не произошло. Пришлось маме идти работать на завод в ремонтно-строительный цех. Мама получала зарплату 500 рублей, ведро же картофеля в то время стоило 400. Покупая картофель, она тратила почти месячную зарплату, но нам, нашей семье, этого ведра хватало на два-три дня. Хлеб же получали по карточкам: ребятишкам по 125 граммов в день, а маме полагалось 250 граммов. Так как мамочка целый день была на работе, ответственной за хлеб была я. С утра пораньше приду к магазину, встану в очередь и жду, когда

подвезут хлеб. Ждать приходилось долго: и час, и два, и три. Не раз случалось, что из-за хлебного запаха у меня начинала кружиться голова. Как только я этот аромат чувствовала – падала в обморок, а стоящие в очереди люди поднимали меня со словами: «Хочешь хлеб получить – не падай, дыши глубже и держись за прилавок». Когда продавщица начинала резать хлеб, я украдкой подбирала крошки со стола. Как только получала нашу пайку хлеба, сразу бежала домой. Дома меня уже ждали братья. Мы все по горбушке отломим, проглотим, не разжевывая, и опять голодные: ведь на всех нас, шестерых, даже килограмма хлеба в сутки не выходило. Конечно, военный хлеб был не такой, как сегодняшний. Он был грубый, но в тот момент он казался нам очень вкусным.

В классе стояла напряженная тишина. Неожиданно Ксюша спросила:

– А вы писали письма своему отцу?

– Мама писала, а в 1942 году выслала ему на фронт фотографию, где мы все вместе.

– А как вы узнали о том, что он погиб? – включился в разговор хулиган Сидоров.

– В мае 1944-го мы получили похоронку: «Старший лейтенант Василий Михайлович Гусев в бою за социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив геройство и мужество, был убит 25 апреля 1944 года. Место захоронения неизвестно».

И тут раздался оглушительный звонок с урока. Но дети, к удивлению Натальи Михайловны, остались на своих местах. Вдруг с последней парты раздался тихий голосок:

– Я читал в энциклопедии, что в войну была высокая детская смертность. Кроме того, что дети были истощены от голода, так ещё и в больницах лекарств не хватало... А как вам, Валентина Васильевна, удалось выжить в это нелегкое время?

– Вспоминаю то время и сама удивляюсь, как мама и мы, пятеро детей, выжили, даже самый младший. Вероятнее всего, уцелели мы благодаря тому, что весной следующего года стали сами садить картошку. Маме от завода выделили 10 соток земли у железнодорожной линии, в то время у многих уральцев были небольшие огородики. Мама копала землю, мы в лунки бросали картофель, летом пололи, а осенью собирали урожай: часть урожая откладывали на еду, а часть – в погреб на хранение. Когда же съестные запасы заканчивались, нам приходилось тужо. Но мы верили в лучшее, и скоро пришла Победа. Ребята, я была очень рада рассказать вам о моем военном детстве, спасибо за приглашение, – закончила свой рассказ Валентина Васильевна.

Пятиклассники встали со своих мест и стали дружно аплодировать. Маша хотела проводить прабабушку домой, но одноклассники окружили Валентину Васильевну, задавая той вопрос за вопросом. Расставаясь, они благодарили Машину прабабушку за правдивый рассказ.

– Мои юные друзья, вам пора спешить на уроки, но, если вы хотите продолжить разговор, жду вас на чашечку чая у себя дома. Маша, устроишь нам званный ужин с твоими одноклассниками? – спросила бабушка у внучки.

Маша с улыбкой кивнула. Провожая прабабушку, она посмотрела на довольную Наталью Михайловну, та ей подмигнула. У них все получилось! Разговор о важном состоялся!

ГАОУ ДПО СО "ИРО

Пономарева Юлия Евгеньевна
1 курс
ГАПОУ СО «Екатеринбургский
промышленно-технологический
техникум им. В. М. Курочкина»
г. Екатеринбург

Тематическое направление:
«Преступления против детства
в годы Великой Отечественной войны
1941–1945 гг.»
Жанр сочинения: рассказ

Горошина

Юлька сидела, обняв острые коленки, на широкой лавке деревенской избы, и с упоением слушала рассказы своей бабушки о «старых временах». Евдокия Матвеевна, женщина крупная и степенная, ловко двигалась по крошечному «бабьему закуту» – месту возле русской печи, где находилась кухня. Печь весело потрескивала, озаряя малиновыми отблесками доброе лицо бабушки; пахло готовым тестом и особенным уютом зимнего вечера. Дед, Николай Дмитриевич, чинил проходившиеся подошвы валенок, расположившись на скамье у входа в избу. Он с удовольствием прислушивался к рассказам жены, кивал головой в тех местах, с которыми был согласен, и поводил худыми своими плечами, если имел насчет сказанного собственное мнение. Слова редко срывались с его языка, дед разговорчивостью не отличался.

- Баба Дуня, расскажи мне сказку про горошину, – попросила Юлька.
- Ведь не раз уже рассказывала, – ответила бабушка, улыбаясь.
- Да разве же это сказка? Самая что ни на есть быль, – вставил слово дед.

Бабушка тем временем переместилась с кухни за крепкий большой стол, покрытый цветастой клеенкой, и принялась лепить пирожки.

– Родители мои приехали в Ленинград, спасаясь от голода в начале двадцатых годов, – начала свой рассказ бабушка. – Отец устроился на завод рабочим, а мама кончила курсы медсестер и в больнице работала. К началу войны мне только десять лет минуло – самая младшая была у родителей, последыш. В комнате нашей в коммунальной квартире из детей только я и осталась, все старшие вылетели уж из гнезда. Школу разбомбили в первый налет на город, учиться я не ходила. Самое страшное началось, когда немцы блокаду установили. Как ни пытались люди запастись продуктами, а к концу октября запасы все равно вышли. Голод пришел.

Я как думаю о том времени, сразу перед глазами лицо соседки нашей встает, она сошла с ума и умерла самой первой в ту блокадную осень. Помню дикие ее глаза и лицо перекошенное, помню, как она переворачивала мебель на общей кухне и кричала: «Где, где моя каша?!» А еды

не было уже совсем, только хлеб по карточкам – крохи. Страшен голод, Юлька! Он все заставляет забыть: про долг свой, про верность, про честь, про близких. Для голода нету любви, никого нету, только ты сам, только твоя жизнь. Ох и трудно этой злой силе противиться! Голод так и тянет тебя на темную сторону. Мне мама тогда сказала: «Дунечка, будешь думать о еде, сойдешь с ума, как соседка. Думай о людях вокруг, думай, чем можешь другим помочь. Тогда выживешь». Я была девочкой некрасивой, но крепкой. Порода у нас хорошая, хоть и белесые, а живучие, – вела свой рассказ бабушка, тепло поглядывая на светловолосую и светлоглазую внучку.

– А деда Коля какой в войну был? – спросила Юлька, пытаясь представить дедушку маленьким мальчиком.

– Мы с дедом ровесники, в соседних классах учились, он в нашем доме жил. Дед и мальчиком красивый был, засмотреться можно – темноволосый, а глаза синие, сам худенький, высокий. Чудной был паренек, все книжки читал и глядел так, словно не на тебя смотрит, а прямо в душу заглядывает. Он меня до войны и не замечал даже, – вздохнула бабушка Дуня.

– Замечал, как не замечал, – хмыкнул дед. – Ты боевая была, смелая, такую нельзя не заметить.

– Ну, может и так, – бабушка задумалась, лицо ее посувровело. – Тяжкое было время, – продолжила она свой рассказ, – люди начали умирать к концу осени. Смерть пришла в наш город, кого дома прихватит, кого на улице, а кого и в очереди за хлебом... Присел человек отдохнуть, глядишь, а его уж и в живых нет. Обычное дело стало. Вот и дед Коля твой быстро ослабел, к началу зимы совсем слег. А я ничего, бегала, воду многим в нашем подъезде таскала с реки, хлеб по карточкам получала для неходячих, с санитарной дружиной обходила квартиры, дрова добывала. Удивлялись люди моей силе. А у меня тайна была, я о ней никому не рассказывала. В тот день, в самом начале голода, когда я прибирала на кухне после сумасшедшей соседки, меж половиц у самой стены нашла горошину, крупную сухую горошину. Это было чудо! Весь довоенный мир, сытый и счастливый, поздоровался со мной через ту горошину. Я решила, что она – волшебная.

– Чего только ребенок не придумает себе! – вставил дед.

– Может, и так, – ответила бабушка. Да только и вправду, с тех пор мне жить легче стало. Горошину я завернула в бумажку и всегда с собой носила, берегла. Бывало, идешь с санями, полными воды, едва-едва ноги передвигаешь, думаешь: «Все, сейчас упаду!» – достанешь горошину из кармашка, лизнешь ее, понюхаешь, и так кашей гороховой напахнет, такой сладостью наполнится все тело, будто и вправду поела. Не раз мне горошина жизнь спасала.

Однажды пришла я к Коле домой, принесла дров, чтобы печку подтопить. Я к нему частенько забегала, читала вслух, он уж сам книжку в руках держать не мог. И в тот раз печь растопила, подошла к кровати, гляжу: отходит Коленька, умирает.

– А как же ты это поняла, баба Дуня? – воскликнула Юлька.

– Так ведь я к тому времени не раз видела, как смерть за человеком приходит, – ответила бабушка. – Серая тень надвигается на лицо, и глаза становятся как озерки осенние, которые только-только мороз прихватил. Испугалась я, взметнулась, закричала, затормошила его: «Коля, Коля, не умирай!», – а он не слышит, уходит, забирает его смерть. Выхватила я тогда из кармана свою горошину и положила Николаше под язык. Сама горючими слезами заливаюсь: и парня жалко и горошину свою жалко! Только смотрю, что отступила смерть от Коли: порозовели у него щеки, глаза смотрят на меня и узнают. Рассасывал Коля мою горошину, глядел на меня и плакал, и я плакала, а потом мы оба уснули. С того дня дед твой, Юлечка, на поправку пошел. А вскоре нас вывезли из Ленинграда и привезли сюда, на берег Чусовой. Тут мы шестьдесят лет и прожили с дедом вместе... Видела бы ты, внучка, какие девки за ним бегали, не чета мне! А он ни на кого даже не взглянул, на мне женился, – Евдокия Матвеевна с гордостью посмотрела на мужа.

– Деда, а почему ты на бабушке женился, если она некрасивая была? – спросила Юля.

– Эх ты, Юлька, глупая ты еще девица! – покачал головой Николай Дмитриевич. – Разве в красоте дело? Верным надо быть. В верности – вся сила!

Полушина Милана Андреевна
6 класс
МАОУ СОШ № 1
г. Кушва

Тематическое направление:
«Преступления против детства
в годы Великой Отечественной войны
1941–1945 гг.»
Жанр сочинения: рассказ

Совсем не детская книжка-малышка

В детстве, рассказывала мне мама, она очень ждала, когда придет почтальон и в синий почтовый ящик опустит заветный журнал «Весёлые картинки»... Вставала на цыпочки, дотягивалась до нижней створочки ящика – он резко падал вниз, а в руки выскользывал яркий, вкусно пахнущий типографской краской детский журнал. Самое интересное в нём – вкладыш, ведь из него можно было сделать книжку-малышку: разрежешь листок пополам, согнешь ещё раз пополам – книжечка получается!

А я тоже сейчас держу в руках книжечку. Только совсем не яркую и не радостную. Она пахнет дымом сожжённой пшеницы, дорожной пылью. На меня смотрят не весёлые человечки с забавными именами – на страничках этой книжки вижу грустные, заплаканные лица детей, силуэт женщины, идущей в ночи по опустевшим улочкам маленькой украинской деревни...

Полистаем странички моей книжки?

Старичка первая. Стены кузницы. Мужчина (мой прадед) уходит из родного дома вместе со своей бригадой на фронт, в ремонтные войска. Идут по дороге

солдатики и чинят всё, что ломается. Воюют в Брянске, под Киевом, по всей Западной Украине прошли. Вот они на отдых остановились – прямо на земле лежат. Вот они у костра греются (редко это бывало). Солдаты ремонтных войск питались скучно и часто всухомятку, ведь всё основное снабжение шло на передовую.

Страница вторая. Я вижу свою прабабушку. Только она ещё совсем маленькая. Когда провожала отца на фронт, ей было пять лет.

Стоят на пороге четыре дочери: Клаве – десять лет, Лиде – пять, Уле – три годика, а младшей Верочек всего шесть месяцев. Стоит на пороге их мама. Машут ручонками вслед уходящему от них отцу и плачут. Вернется ли? Вернется! Должен вернуться!

Страничка третья. Деревня. Вернее, всё, что от неё осталось. Дома на соседней улице чёрные, обугленные. А мои героини спят: всегда одетые, на полу, если в доме. Ночью в окопы прячутся (бывало, сутками там от бомб прятались). В окопе всегда ведро воды и сухари были припрятаны, потому что никогда не знали, сколько там пробудут, точнее не знали, сколько продлится бомбежка.

Страничка четвертая. Уля. В начале войны ей было три года, но она уже тогда могла различить, какие самолеты пролетают над деревней. Если слышит, что наши самолеты, играет дальше, а если самолеты летят немецкие, прячется подлавку и кричит: «Боби везут, боби везут!», то есть бомбы.

Страничка пятая. Посередине двора стоит корова. Хорошая она, отлично не доится, а молоко в чулане хранится. Когда немцы пришли и увидели молоко, заставили мать отпить его из каждой крынки, чтобы проверить, не отравлено ли.

После того, как убедились, что не отравлено, забрали все продукты: и молоко, и яйца, потому что думали, что эти запасы партизанам подготовили. Дождались немцы времени дойки и проверили, что именно столько молока корова даёт, что для партизан оно копилось, и ушли, забрав всё съестное.

Страничка шестая. Люди, люди – все ходят, суетятся. После того, как немцы ушли из деревни дальше, в сторону Москвы, пришли наши. Всего на два дня.

Кухню тогда свою в нашем дворе они поставили. Вечером на второй день собирались быстро и ушли. А в двух сараях возле дома снаряды спрятали под соломой... Следом пришли немцы, снаряды эти искали. Штыкками солому протыкали, но не нашли. А в то же время, пока немцы искали снаряды по деревне, все очень сильно боялись, так как если бы снаряды нашли, в живых бы никого не оставили.

Страничка седьмая. Наши пришли! Два танка привезли и поставили в огороде под вязы (эти большие деревья росли по обе стороны улицы и свисали над ней, как шалаш). И тут же, как только поставили танки, полетели над деревней немецкие самолеты. Думают дети: «Как это они про танки узнали?» Самолеты пролетали над огородами несколько раз, разворачивались и снова пролетали, но советские танки не заметили!

Страничка восьмая. Горящая нива. Во время войны на полях постоянно жгли хлеб: немцы, чтобы русским не досталось, а наши жгли, чтобы немцам не досталось, – голод страшный был! На краю поля – хата. Топить её нечем. Шли в ход подсолнухи, картофельная ботва, солома...

Страница девятая. Во время войны и сразу после неё работали с раннего утра и до позднего вечера. Прабабушка работала с утра до вечера в совхозе, а её маленькие дочки работали на своем огороде. Он очень спасал! Все работали.

Даже Уля, которой было три годика: у нее была своя лопатка и свой участок на огороде, и она там тоже копала, сажала и поливала. Ели лебеду, крапиву, клевер, а ночью ходили за соломой на совхозное поле за четыре километра, чтобы можно было печь истопить и сварить что-то горячее.

Страница десятая. Немцы уходят с Украины. Скоро конец войне! Деревня практически полностью сожжена. Лишь в нескольких домах теплится жизнь.

Пятилетняя Лида играет у соседских ребятишек. Вдруг через окно все видят, как к нашему дому идут два немца с автоматами. А дома была мать, пекла пирожки с бузиной. Лидочка со всех ног бежит домой: боялась, что мать расстреляют.

Забегает кроха домой – а немцы борщ едят. Они между собой переговариваются, хвалят борщ, говорят, что давно ничего вкусного и горячего не ели. Просят с собой ещё еды. Тут тётка (сестра отца жила во время войны в семье) по-немецки говорит: «Берите, берите». Удивляются, что она разговаривает по-немецки... И рассказали тогда они, что воевать они не хотят, что у них дома всё было хорошо, в Германии у них и семья, и дети, а призвали их против воли.

Тогда бабушка все пирожки, которые напекла, этим немцам отдала, чтобы они её семью не тронули!

Страница одиннадцатая. Деревенский дом. Больной прадед после войны не сам домой пришёл – привезли его тяжело больным. Вот и лежит он, маленький, худой. Целых два года не встаёт с постели. Вставай, деда! Собирается с силами, поднимается – и едет на Алтай, за хлебом! В 1947 году такой страшный голод на Украине разразился, что пришлось пшеницу издалёка везти. Привёз много, несколько пудов! Еле от станции до дома донёс. Да и слёг совсем после этого. А благодаря хлебу вся семья выжила!

Страница двенадцатая. Голод 1947 года... Трещины в земле – широкие, засуха – невиданная. Хлеба в тот год никто не видел. Когда впервые хлеб испекли, мать дала дочкам только по кусочку хлеба, в пол-ладошки. Сестры еще просят. Но мать говорит: «Через час ещё маленький кусочек дам, чтобы заворот кишок не случился: хлеб горячий, а мы долго его не ели!»

У каждой малышки был свой литровый горшочек. Во время войны мама оставляла все горшочки утром дочкам на обед и ужин, а сама уходила в совхоз до ночи работать. Сёстры полгоршочка съедали в обед и на ужин

половину оставляли. А мама приходила поздно вечером, так ещё и из своего горшочка детям отделяла – им нужнее, растут ведь!

Страница последняя. После войны в селах Украины жить было невозможно. Голод, холод, топить совершенно нечем. Поэтому Лида в шестнадцать лет уехала на Урал, к тетке. Здесь был хлеб! Да и работали всего по восемь часов. Вот так моя прабабушка оказалась сначала в Краснотурьинске у тетки, а потом по распределению в Кушву приехала. А её мама и сестры остались там, на Украине, и очень радовались они, что живет кровиночка сытно и им даже помогать может...

Небольшая моя книжка-малышка. Не радостная. А читаешь её – и вся судьба дорогих мне людей перед глазами представляется! Берегу её! Ведь своим детям тоже эти истории передать надо!

ГАОУ ДПО СО „ИРО“

Сабурова Екатерина Александровна
9 класс
МАОУ «Натальинская средняя
общеобразовательная школа»,
пгт. Натальинск
Красноуфимский район

Тематическое направление:
«Произведения литературы, музыкального,
изобразительного, драматического
и (или) кинематографического искусства,
отражающие трагедию и подвиг мирного
населения в годы Великой Отечественной
войны 1941–1945 гг.»
Жанр сочинения: эссе

«Лёгкими босыми ножками» навстречу судьбе

Мы посещаем музеи и картинные галереи. Мы видим много разных произведений искусства. Мы проходим мимо одного полотна и останавливаемся у другого.

...Божья мать спустилась с небес по облакам. На руках она держит своего младенца Иисуса. На ее прекрасном лице печаль и тревога за будущее сына. Она знает, что ждет его, но со смирением несёт людям. Идёт навстречу страшной судьбе...

«Сикстинская мадонна» – знаменитая картина итальянского живописца Рафаэля Санти, жившего в XVI веке. Вот уже на протяжении нескольких веков она является музой для творчества писателей и поэтов.

Так творцы XIX века искали в образе мадонны душевную гармонию и красоту, божественность. С восхищением любясь ею, Василий Жуковский произнёс: «Гений чистой красоты». Чуть позже Александр Пушкин позаимствовал эту фразу, чтобы посвятить её Анне Керн. Рафаэлевская мадонна была любимой картиной Федора Достоевского, он мог смотреть на нее «часами, умиленный и растроганный», хранил копию картины в своей петербургской квартире. В образе мадонны писатель видел душевную, христианскую доброту, отзывчивость и чуткость. Именно такая доброта, по его мнению, должна спасти мир от жестокости и зла. Алексей Толстой в стихотворении «Мадонна Рафаэля» говорит о жертвенности героини, «любви небесной»: мать отдаёт своего сына на благо людям.

По-другому увидели образ мадонны писатели советской эпохи XX века. Трагические события Великой Отечественной войны возродили интерес к картине. В искусстве появляется новый символ: мадонна не божество, она жертва войны, «она – это мы». Василий Гроссман в очерке «Сикстинская мадонна» говорит о ней как о земной женщине. Он узнал в ней матерей, идущих с детьми в газовую камеру. Перед нами страшные картины войны.

Лагерь смерти. Трехметровый забор. Кирпичное здание с несколькими газовыми камерами. Огромные ямы, в которые сбрасывали и закапывали

трупы. Кремационные печи для сожжения убитых. За сутки несколько тысяч тел! Никто не должен был уйти оттуда живым.

Обречённые на смерть. Кто эти несчастные? «Неполноценные» народы. Евреи, цыгане, русские. Мирное население, подвергшееся массовому уничтожению. Граждане Советского Союза, Польши, Чехии, Греции и других стран Европы. Герои войны, которым пришлось пройти нечеловеческие испытания.

Давайте, хотя бы на минуту, представим, как это было.

Треблинка. Мы входим в лагерь. Земля там пропитана слезами, потом и кровью. Повсюду «детские туфельки с красными помпонами, горшочки, детские чашечки из пластмассы, детские, писанные карандашами письма, книжечки стихов...».

Последние минуты жизни. Измождённые лица мальчиков и девочек с «недетским, чудным выражением». Впалые глаза. Худенькое тельце. Попробуем поставить себя на место матери. Что она говорит своему сыну или дочери? Успокаивает? Плачет? Молится? Поёт колыбельную песню? Её лицоискажено «безмерным ужасом» или «улыбкой безумия»? Она страшно кричит или беззвучно шепчет?

– Потерпи, пожалуйста, чуть-чуть... Прижмись ко мне сильнее... Сейчас всё закончится, дяди шутят... Не плачь, прошу тебя... Я люблю тебя и буду любить вечно! Господи, спаси моего ребёнка!

Как смягчить горькую долю своему малышу? Как утешить его? Слёзы текут по бледным щекам матери. Она понимает: её ребенку не спасти. «Живописец Адольф Гитлер» решил их судьбы. Для несчастных матерей и их детей треблинская земля стала последним приютом. Их смерть – суровый приговор нацизму и предупреждение живущему поколению. Их смерть – это правда о войне. Это полное понимание того, в каком аду приходилось жить людям, с каким злом пришлось им столкнуться.

У каждой эпохи «судьба особая», но она «постоянно тяжелая». Вторая мировая война стала испытанием для эпохи сороковых годов XX века. Это было «волчье время, время фашизма» и насилия. «Не останавливайся, если перед тобой старый человек или женщина, мальчик или девочка», – гласила одна из заповедей нелюдей. Зверь «не мог встретить глаз» матери, «он не мог встретить взор ее сына – ведь они были людьми». Дети, оторванные от своих матерей, погибали в газовых камерах. Матери переживали смерть своего ребенка, умирающего у них на глазах. Что может быть более трагичным? Что может быть более бесчеловечным? Фашизм не признавал различий ни по какому признаку. С особой жестокостью и беспощадностью уничтожались женщины и дети.

Война обнажает людские души, раскрывает сущность человека. Одни следуют своим природным инстинктам, поведение других определяет мораль. Мать с ребенком, предчувствуя свою страшную судьбу в треблинском аду, идет ей навстречу, твердо веря в силу «человеческого в человеке». Она верит в торжество добра над злом, верит в ценность человеческой жизни. И эта непоколебимость всегда будет нравственно возвышать человека, помогать ему бороться до конца, до победы!

Повсюду «печальная и тихая мелодия»... Бессмертные полки матерей с детьми медленно ступают «легкими босыми ножками». За каждой матерью с ребёнком реальные судьбы, уничтоженные навсегда. За каждой матерью с ребёнком людская боль. Боль целого народа, страны. Здесь боль и нашей страны, нашего народа, пережившего вероломное вторжение в июне 1941 года, народа, чье Знамя Победы вознеслось над Рейхстагом в мае 1945 года. И забывать об этом нельзя. А иначе всё зря. Значит, прошлое придётся пережить снова. Значит, мы предали Родину.

У каждой эпохи свои духовные идеалы, своё понимание прекрасного. Картина «Сикстинская мадонна» для многих поколений стала эталоном духовности и объектом преклонения. Она заставляет остановиться и задуматься о связи времён, о событиях прошлого, настоящего и будущего, о торжестве человеческого духа и стойкости, о силе материнской любви и её великому подвиге во имя жизни на земле.

Ягофаров Альберт Акрамович
10 класс
МБОУ СОШ № 7
с. Мироново
Артемовский ГО

Тематическое направление:
«Геноцид мирного населения на оккупированной территории в результате карательных операций, на принудительных работах в изгнании, в местах массового силового заключения и содержания граждан СССР»
Жанр сочинения: рассказ

Мой друг Ромка

(по материалам дневника Ромы Кравченко-Бережного из «Детской книги войны»)

– Вы думаете, преступление может остаться безнаказанным? Уверен, что нет! И я этому живой свидетель, потому что присутствовал на «Суде истории» во Дворце юстиции города Нюрнберга в конце 1945 года.

– Как я там оказался? Сейчас расскажу.

20 ноября 1945 г. в небольшом городке Нюрнберг, расположенным на юге Германии, открылся международный судебный процесс по делу главных нацистских военных преступников. Подсудимые, которые предстали перед Международным военным трибуналом, обвинялись в преступлениях против всего человечества ради установления мирового господства одного небольшого государства. Мой самый близкий друг Ромка ещё в августе 1942 года мечтал, чтобы я стал одним из обвинительных документов против зверства немцев и их вождя Гитлера. Так и случилось.

Когда Ромке исполнилось 18, он ушел на фронт, а меня спрятал на чердаке. Понимая, что может не вернуться, он рассказал отцу, где я зарыт. Как тяжело давались этому бывшему офицеру царской армии мои страницы, на каждой из которых открывались все новые и новые доказательства бесчеловечности нацистов по отношению к еврейскому народу. Отец решил передать меня Чрезвычайной комиссии по расследованию преступлений фашистской Германии. Вернулся я домой в 1946 году вместе с сопроводительным письмом, в котором было написано: «Задержка с возвращением Вам дневника вызвана обстоятельствами, связанными с Нюрнбергским процессом. С благодарностью возвращаем дневник Вашего сына. Ответственный Секретарь Чрезвычайной Государственной Комиссии (П. Богоявленский)».

– Ну, я думаю, вы уже поняли, кто я такой. Я – личный дневник обыкновенного советского подростка Романа Кравченко-Бережного, жившего

в оккупированном немцами западноукраинском Кременце. На протяжении трёх лет, начиная с лета 1941 года, делился он со мной всеми ужасами, которые происходили на его глазах со взрослыми, проживающими где-то неподалёку, с парнями и девчатами, сидевшими с ним когда-то за одной партой. Эти обычные люди не были преступниками, не совершали ничего противозаконного – они были просто евреями. Мой друг не решался рассказать об увиденном никому, даже родителям. Он доверял мне эти страшные факты зверства над еврейским народом, потому что хотелось с кем-то поделиться, иначе можно было сойти с ума. Три года, Рома видел смерть, но привыкнуть к этому не смог. Каждую свободную минутку, парнишка тайком пробирался на чердак или прятался в подвале и описывал страшные события.

Мне хочется вам рассказать, что я видел, что пережил вместе с Ромкой и о чем поведал, когда пришло время всему неравнодушному человечеству. Ну, слушайте.

Однажды, это было 21 августа 1941 года, Ромка пришел на чердак расстроенный. Он рассказал мне, что по всему городу, почти на каждом шагу, расклейены объявления. На них было написано, что евреям запрещено ходить по тротуарам, потому что и без них ходит много народу. Немцев теперь нужно обходить за четыре метра, иначе еврейская община будет наказана вплоть до выселения. Ромку это встревожило, так как его хорошая знакомая девушка Фрида была еврейкой, и все эти изменения могли разлучить их навсегда. Я был тоже очень расстроен вместе со своим другом, но что я мог поделать? Я просто листы бумаги.

Через несколько месяцев, 18 ноября, Ромка узнал от знакомого, который приехал из Киева, что немецкое командование издало приказ: за поджоги, совершенные в городе, будут уничтожены 170000 евреев. Знакомый рассказывал: людей раздевали догола, бросали в яму, забрасывали гранатами и обстреливали из пулеметов. А тех, кто остался в живых, просто засыпали землей. На такую жестокость способны эти звери... Ромке было трудно передать словами. Но рассказать друзьям или родным, как ему тяжело, он не мог, поэтому это знал только я.

Самым тяжелым днем для моего друга стало 19 августа 1942 года, когда Рома увидел, как вместе с другими евреями повезли его подругу Фриду. Их провожала толпа бездушных зевак, которые думали только о спасение своей жизни, а на других им было наплевать. Фрида была самым лучшим другом в жизни Ромки, с ней он всегда был искренним, она соглашалась с его идеями и поддерживала во всем. А сегодня её забрали. Он писал, что это гордая девушка никогда не склонит головы перед фашистами и даже,

умирая, будет смотреть этим гадам прямо в глаза. Когда мальчик сообщал мне эти страшные строки, стали слышны звуки выстрелов, и каждый из нас молча подумал, что один из них мог унести жизнь Фриды. Её тело, как и тела других евреев, могли сбросить в наспех вырытые ямы и присыпать хлоркой, чтобы быстрее разлагались. Я знаю, что спустя много лет после этих ужасов, мой товарищ проживает эти чувства снова и снова, никогда не забудет эту девочку и будет за неё мстить всю жизнь.

7 сентября Рома записал: «Опять стреляют! И где только их берут?» Люди поговаривают, что расстреляли уже около двенадцати тысяч. Евреи прячутся в погребах, но их находят, избивают и расстреливают. Недавно подожгли гетто, огонь уничтожил около четырёхсот домов, многие жители сгорели заживо. Страшно... Мой друг старается записывать всё до мелочей, потому что такие зверства через какое-то время могут показаться выдумкой, вспомнишь – не поверишь. А если оставить эти события на бумаге, то когда-нибудь мир узнает о злодеяниях и виновные будут наказаны.

Три страшных года Ромка брал меня в руки и писал, писал, писал. Писал о бесчеловечности, которая окружала, писал и о счастливых моментах, связанных с освобождением городов, с прорывом фронта советскими войсками. Конечно, я своему другу, который рос и мужал на моих глазах, порядком надоел (он даже называл меня «дуряцким дневником»), но мальчик в начале войны дал слово писать «от ухода до прихода» и сдержал его. Меня он оставил только тогда, когда смог за несколько месяцев до освобождения города присоединиться к частям Советской армии и с автоматом в руках освобождать родную землю от захватчиков.

– Ура! Победа! Фашизм побеждён! Как радовались все люди, понимавшие, сколько горя он принёс многим странам и народам. Я тоже радовался, когда смог оказать посильную помощь в разоблачении нацистского беззакония, став свидетелем на Нюрнбергском процессе. Ну, об этом я вам рассказывал в самом начале своего повествования.

А что же Ромка? Теперь это Роман Александрович, взрослый мужчина, который и в мирное время держал своё слово: мстить за смерть Фриды. После войны он работал в Германии переводчиком, помогал собирать показания заключённых, в том числе командировался в концлагерь Заксенхаузен. Потом занялся наукой, стал кандидатом физико-математических наук.

А что же стало со мной? Сейчас я занял почётное место в краеведческом музее Кременца, нахожусь среди экспонатов, которые являются живыми свидетелями войны с фашизмом. Если будет возможность, приходите к нам в музей, вместе вспомним моего хорошего друга Ромку.

Шкода Александр Викторович
2 курс
ГАПОУ СО «Краснотурьинский
индустриальный колледж»
г. Краснотурьинск

Тематическое направление:
«Чему нас учит история: трибуналы
и судебные процессы по делу о геноциде
советских граждан нацистами и их
посообщниками в период Великой
Отечественной войны 1941–1945 гг.»
Жанр сочинения: эссе

Между разумом и сердцем

Профессионал – знаток своего дела. Это тот, кто имеет опыт работы и огромный багаж знаний, искренне любит и уважает свою работу. Прогресс человечества невозможен без вклада профессионалов в дело, которому они служат.

Я учусь на втором курсе колледжа, получаю специальность «юрист». Часто на занятиях задумываюсь о качествах настоящего мастера своего дела. Во-первых, профессионал в моей профессии должен обладать аналитическим складом ума. Во-вторых, немаловажным является способность любить окружающих и понимать людей.

Очень часто представителям юридической сферы деятельности приходится находиться в ситуации выбора между велением сердца и требованием разума (естественно, юрист должен выбрать второе). Нельзя поддаваться эмоциям и желаниям, идти на поводу у общества, важнее всего – соблюдение законности и правопорядка. Работа юриста крайне тяжёла эмоционально, ведь в соответствии с законом каждый человек имеет право на помочь в суде. Независимо от того, что за человек тот, кто пришёл к вам за предоставлением услуг, перед законом равны все.

Примерами профессионалов-юристов для меня являются те, кто участвовал в послевоенных судебных процессах.

Великая Отечественная война... концлагеря... массовые расстрелы... пытки... Можно ли такое простить? А защитить преступника, уничтожившего тысячи, миллионы людей? Каким духом и величайшей справедливостью нужно обладать, чтобы сердце уступило разуму?

Нюрнбергский процесс. Юристы, представляющие интересы преступников. Можно ли оправдать человека, убившего десятки или сотни тысяч человек? Оказывается, и такое возможно. Примером юриста-адвоката, защищавшего фашистов, может послужить Л. А. Ветвинский. На мой взгляд, это настоящий профессионал своего дела; человек, уважающий нормы права и закон. «Победившее человечество не хочет применить

к поверженному в прах врагу его же собственные начала короткой и внесудебной расправы», – говорил Ветвинский в защиту генерала-майора Фон Чаммера. Адвокат (мне кажется, что он понимал всю страшную суть деятельности обвиняемого) сумел побороть в себе голос совести и не поддался первоначальному чувству мщения. Трудно представить, как профessionально боролось против голоса сердца и души.

Я считаю, что важно предоставить любому нуждающемуся юридическую помощь, даже если это враг – противник всего человеческого, ведь «судебная защита – это гарантия правосудия, одно из множества завоеваний цивилизации» (как сказал адвокат на процессе Фон Чаммера). Нельзя лишать фашистов того, что они хотели отнять у нас, заменяя правосудие расправой и произволом, иначе нас самих будет тяжело отличить от преступников.

Несомненно, любое зло должно быть наказано. Однако не все военные преступники получили заслуженное наказание, многим удалось избежать его. Были и те, кто на протяжении долгих лет совершаил преступления против человечности, переезжал в другие страны, прятался в маленьких городках, скрывался и жил второй жизнью. Среди таких – «Ангел смерти». Так звали доктора Йозефа Менгеле заключённые «фабрики смерти». Под словом «ангел» мы обычно представляем что-то светлое, что защищает нас и делает мир лучше. Но в реальной военной жизни всё было иначе.

Йозеф Менгеле работал врачом в концлагере, но не было ни одного человека, которому бы он оказал медицинскую помощь. За что же его так прозвали? Когда приезжал поезд, и пленные выстраивались в ряд, их встречал именно этот доктор. В руках у него была плеть, но он никого не бил ею, а всего лишь улыбался и совсем не казался тем, кто желает кому-то смерти. Но именно этот человек решал, кого отправить в газовые камеры сразу, а кого – в бараки. Камеры он любил намного больше... и скоро те, кто остался жив, начинал завидовать мёртвым. Полуживых людей ждали ужасные и мучительные опыты, целью которых был «научный интерес». Менгель забирал детей у матерей и прямо на их глазах вводил препарат в сердце ребёнку, что вызывало мучительную смерть, удалял и сшивал конечности и органы без анестезии и многое другое... Йозеф лично самыми различными, жесточайшими способами убил десятки тысяч человек, чьи души искрами из труб крематория улетали в небеса – туда, где они становились ангелами.

Если бы этот преступник был арестован в наше время, то, возможно, он понёс бы более щадящее наказание в соответствии с законодательством. Что же произошло с Менгеле? Он не понёс никакого наказания

и умер от старости! От этого факта становится немного не по себе. Сердце противится, а разум? Думаете, он молчит? Нет. Разум рассуждает, может ли врач, совершивший такие ужасы над живыми людьми, быть человеком? Он наделён властью и средствами, но лишён человечности и страха перед миллионами. Нет ничего страшнее этого мнимого всемогущества и безнаказанности.

Юрист в своих решениях, конечно, выбирает разум, а не сердце, ведь этого требует особенность профессии. Но отдаляться от сердца, быть бессердечным нельзя! Юрист – профессионал должен не выбирать, а умело сочетать в себе соблюдение норм закона и человеческие качества и чувства, казалось бы, противоречащие друг другу. Быть между разумом и сердцем.

ГАОУ ДПО СО "ИРО"

Данилов Матвей Александрович
5 класс
МАОУ СОШ № 215 «Созвездие»
г. Екатеринбург

Тематическое направление:
«Моя семья в годы войны: путь к Победе
к 80-летию Победы в Великой
Отечественной войне»
Жанр сочинения: рассказ

Обретая бессмертие на дорогах войны...

Машина, военная буханка, неспешно катилась по выжженной степи. Быстро передвигаться нельзя – опасно. А вдруг появится беспилотник... Тревожно, страшно. Но задание есть задание. Его надо выполнять.

На покрытых дерматином сиденьях необычная команда: рядовые, старшина, техник-лейтенант, миловидная девушка, мужчина в штатском, командир штурмовой группы. Все молчали. Только неспешный стук колес нарушал тягостную тишину.

– Командир, куда мы движемся? – первым не выдержал лейтенант.

Молодой синеглазый штурмовик ответил:

– В местечко Водяное. Нужно подкрепление. Без нас не обойтись.

Передовая все ближе и ближе, все громче и громче разрывы снарядов. Мины свистят.

На разбитой узкой степной дороге огромная воронка. Слева и справа овраги. Вынужденная передышка. Пока водитель и командир решали непростую задачу, как двигаться дальше, команда отошла в небольшую рощицу – там проще укрыться от назойливых, всевидящих, несущих смерть беспилотников.

– Кто вы, старшина? – спросил лейтенант.

– Власенко Алексей Федорович, товарищ лейтенант!

– Откуда вы?

– Из Екатеринбурга, товарищ лейтенант!

– А вы сами кто и откуда? – вмешался в разговор штатский. Сероглазый обаятельный мужчина с улыбкой посмотрел на молодого лейтенанта. – Лично я из Москвы. Из Московского театра сатиры. Не узнали меня? Как же так? Служил в Ленинградском и Московском мюзик-холле. А теперь вот – на передовой.

Смутившись, молодой лейтенант ответил:

– Крупенин Анатолий Георгиевич. Призван из Москвы.

– А я Кичигин Иван Григорьевич, а я Никифоров Василий Иванович! – взяли под козырек рядовые – солдаты российской армии.

Все вопросительно посмотрели на хорошенькую девятнадцатилетнюю девушку, крепко держащую в своих тоненьких ручках тяжелую, громоздкую рацию.

Она тонким уверенным голосом произнесла:

– Крупенина Анастасия Николаевна! Радистка!

У этой необычной команды – воинского отделения второй стрелковой роты стрелкового батальона – была непростая задача: удерживать наступающего врага на подступах к mestечку Водяное. После небольшой остановки быстро добрались до места дислокации.

Бой начался внезапно. Массированный артиллерийский огонь противника сдерживал движение. Нужно было сделать рывок, чтобы команда смогла подобраться к скрытому в блиндаже орудию и ответить мощными орудийными залпами.

Решение было принято мгновенно. Командир отделения взял огонь на себя. А его штурмовая команда смогла занять оборону, пойти в наступление, погасить сопротивление противника. Водяное отстояли.

Это выдуманная история о невыдуманном подвиге моего папы – Данилова Александра Олеговича.

Мне кажется, что наши воины черпают силу и мужество, храбрость и стойкость у тех, кто прошел боевой путь от Москвы до Берлина. Их пример, их опыт бесценен. Они незримо присутствуют рядом в каждом бою, в каждом сражении, поддерживая наших воинов,

В начале Великой Отечественной войны они были молоды, мечтали о долгой счастливой жизни:

Власенко Алексей Федорович (прадед) – 1913 года рождения, старшина;

Кичигин Иван Григорьевич (прапрадед) – 1908 года рождения, пропал без вести;

Крупенин Анатолий Георгиевич (прадед) – 1916 года рождения, техник-лейтенант;

Крупенина Анастасия Николаевна (двоюродная прабабушка) – 1922 года рождения, радистка, 19 лет;

Лепко Владимир Алексеевич (двоюродный прапрадед) – 1898 года рождения, актер, участник фронтовой бригады;

Никифоров Василий Иванович (прапрадед).

Мои родные выполнили свой долг тогда – 80 лет назад. А сейчас с верой и надеждой смотрят из своего далекого небытия на тех, кому довелось снова защищать нашу страну. Мы помним их имена. Воины для нас будут вечно живыми.

Ежов Глеб Артемович
9 класс
МАОУ «Лицей»
ГО «Город Лесной»

Тематическое направление:
«Преступления против детства в годы
Великой Отечественной войны
1941–1945 гг.»
Жанр сочинения: рассказ

Остров тишины

Детский плач врезается в душу и словно высасывает из неё всю надежду на то, что в мире осталось хоть что-то доброе и светлое. Мир, в котором дети плачут, – мрачное, тёмное, наполненное ужасом место. И я выбрал свет... Тот свет, который рождается от человеческой улыбки. Когда в уголках глаз собираются мелкие лучистые морщинки, взгляд наполняется блеском и покоем, будто на тебя смотрят два далёких, но согревающих всё вокруг себя солнца. Я научился зажигать этот свет, и мне хотелось только одного – чтобы он никогда не гас в детских глазах.

Всё началось, когда мне было десять. Мама привела меня в академию Большого Ленинградского государственного цирка. Я пробовал стать и акробатом, и воздушным гимнастом, и иллюзионистом. Однажды, стоя за кулисами и ожидая своего выхода на арену, я с каким-то особым чувством смотрел выступление клоуна. В тот день я понял: именно клоун – самый важный человек в цирке, потому что он лечит души. Люди отдают ему свою грусть и печаль, а он взамен дарит смех и радость. И я решил: хочу быть тем, кто спасает, кто протягивает людям руку помощи и вызывает их улыбки.

А потом в мир ворвась она... Ужасная, беспощадная, война каждый день уносила сотни жизней.

Цирк закрыли. Но в Ленинграде сформировалась специальная цирковая бригада. Мы обосновались в Доме Красной армии на Литейном проспекте. Там неустанно придумывали юмористические сценки и героические номера на тему войны и блокады. А потом ездили показывать их по городу. Как только начиналось представление, люди вспоминали о мирной жизни, улыбались, становилось тепло, и такие напряженные тела и каменные лица расслаблялись, и смех, подобно аромату свежего хлеба, заполнял пространство вокруг.

Не могу забыть один случай: я показывал пантомиму про беззащитную птичку, которую пытается поймать и усадить в клетку множество рук. Уходя, многие взрослые ворчали: «Клоун должен смешить! Какая нелепая пантомима! Что здесь весёлого?» Но тут ко мне подбежала, широко улыбаясь, маленькая девочка в какой-то лохматой серой кофточке, с бантом

на макушке, сама похожая на воробушка, только что искупавшегося в луже. Я наклонился к ней, а она прошептала: «Спасибо, что спас птенчика!» Малышка крепко обняла меня, её глаза блестели.

А сегодня наше выступление внезапно прервалось: началась бомбёжка. Срочная эвакуация!

Очередной взрыв неподалёку! Ревущая сирена ускоряет мой бег и учащает пульс. Голос в голове повторяет всё громче: укрыться в тишине, спастися любой ценой!

И тут я увидел группу малышей на крыльце детского сада: они испуганно озирались в поисках взрослых и громко плакали. Да, я хочу выжить! Но не ценой потери этих малышей! И я, не слушаясь строгого диктора в голове, побежал прямиком туда, подхватил на руки двух самых напуганных девочек. Несколько раз проделывая путь до бомбоубежища, унося туда и других малышей, я всё пытался найти в себе силы не обращать внимания на звуки взрывов, которые вонзались в меня, словно иглы...

Уже внутри я попытался отвлечься, уйти от жестокой реальности. Закрываю глаза и пытаюсь вызвать светлое воспоминание: играет бравурная музыка, прожекторы светят в глаза, я стою на арене родного цирка...

Звук далёкого взрыва вернул меня в реальность. Со всех сторон громко плачут дети: «Где мама? Почему здесь так темно?»

Не в силах слушать этот горький плач, я подошёл к одной девочке. Мои руки тут же изобразили букет цветущих одуванчиков и протянули его девочке. Она робко улыбнулась. Я умелым движением сложил пальцы, и к ней на плечо сел маленький птенчик. Малышка хихикнула. К нам несмело подошёл мальчик лет трёх, и птенчик вспорхнул с плеча девочки, которая уже и не думала плакать. Теперь птенец пытался поймать равновесие на вздрагивающем от всхлипов плече мальчугана. Тот удивлённо примолк, и птенец смог спокойно усидеть на плече, раскрывая и закрывая забавный клюв и крутя хвостиком.

Я отглянулся: все малыши собрались вокруг нас, маленькие мягкие ручки тянулись со всех сторон, чтобы погладить птичку. Внезапно птенец взмахнул крыльями и опустился на пол. Я присел, настроился и превратился в большого грациозного аиста: тянул шею, высоко поднимал колени, вышагивая по подвалу. Со всех сторон раздавался звонкий смех. А аист продолжал важно гулять из стороны в сторону, покачивая длинной шеей. Один смелый мальчишка подбежал к аисту. Тогда я широко улыбнулся и усадил его к себе на шею. Сразу выстроилась очередь, и я прокатил каждого малыша. Вокруг меня сияло множество улыбок: искорки смеха будто осветили тёмное и мрачное бомбоубежище.

Вдруг я услышал писк. Кто-то слегка подтолкнул меня и прижался к моему боку – к мягкому крылу аиста. Повсюду слышалось милое и приветливое пищание. Малыши неуклюже топтались вокруг меня, принимая игру, в которой маленькие птенцы оказывались под защитой большого, взрослого аиста. Кто-то пытался научиться летать, размахивая ручками, будто крыльями. Один мальчуган нашёл палочку и зажал ее в губах, будто червяка в клюве. Две девушки прыгали попеременно то на одной, то на другой ноге, смешно пищали и крутили растрепанными головками. Везде было движение, была жизнь. Прямо в эту минуту создавался целый мир тепла и доверия.

Я отошел в сторону, прислонился к стене, закрыл глаза и попытался дышать ровнее. Мне хотелось, чтобы с воздухом из меня вышла вся боль, которая сжимала изнутри, словно тисками.

«Здравствуй, добрая птица», – услышал я. И вспомнил, что видел эту серую, похожую на оперенье воробья, старенькую кофточку. Передо мной была та самая малышка, которая благодарила меня после представления. Как мало осталось в ней от того беззаботного птенца, как потускнел взгляд и как замедлились движения... Она обняла меня своими слабыми, худенькими ручками и шепнула еле слышно: «Спасибо, что спасаешь нас».

И тут мое сердце сжалось с такой силой, что оно стало не больше воробышкового, это было так больно, что я стиснул зубы и изо всех сил постарался сдержать слезы. Потому что клоун должен улыбаться, несмотря ни на что. Потом я еще долго жил с тем ощущением, что мое сердце – это маленький твердый, тяжелый камень.

А тогда я взял малышку на руки, подошел к детям и сел рядом с ними. Множество блестящих глаз смотрели на меня с надеждой: они продолжали ждать чуда. Снова превратившись в птицу, я начал раскладывать вокруг себя воображаемые камушки и веточки так, чтобы построить гнездо. Большая птица, издавая ласковые, воркующие звуки, махнула крылом, и все птенчики забрались в новый, наполненный теплотой домик. Мы все сидели вместе, обнявшись, в этом спасительном круге.

Нет, недопустимо, чтобы дети плакали. К несчастью, не в моих силах остановить багровый штурм. Война – это море смерти, что сейчас становится всё глубже и глубже; море, что поглощает миллионы жизней и питается детскими слезами. Но в моих силах с помощью магии искусства осушать эти слёзы и превращать их в искорки улыбок.

В тот день я обнял их всех так, как в теплом гнезде большая птица бережно обнимает своими крыльями беззащитных, неокрепших птенцов. Мы вместе пережили ту бомбежку, мы уцелели тогда, и я отдал малышам столько тепла, сколько мог, в надежде, что его хватит на некоторое время. А потом война закончится и никогда больше не повторится.

Мамедов Александр Владимирович
10 класс
МОУ СОШ № 3
Качканарский МО

Тематическое направление:
«Трагедия и подвиг мирного населения
в произведениях искусства»
Жанр сочинения: эссе

Ленинградский метроном... сквозь годы

...Стужа бьётся в окно, будто стенаёт о покойнике. Уличная тьма, просочившись через шторы, полностью поглотила пространство комнаты. Кажется, не будет больше никогда ни утра, ни света, ни людей. Только тьма, стужа и этот настырный стук часов. Тонк-тонк... тонк-тонк... Не даёт заснуть, бьёт по темени: тонк-тонк... тонк-тонк. В голове глухой ритм бессонной комнаты плавно перетекает в чеканные удары метронома:

Тонк-тонк...

Тонк-тонк...

Сту-жа...

Ве-тер...

Тонк-тонк...

Ве-тер...

Сту-жа...

Са-ни...

Гаснущее сознание выкидывает на поверхность надрывные строки, рассекаемые памятными отстуками ленинградского метронома:

мимо арки, мимо старых зданий
я спешу... спешу к себе домой.

сани...

ветер...

сани...

стужа...

сани...

под ногами тяжесть мостовой.

«Мимо арки...». Это, наверное, той самой, куда нас на экскурсию водили... арка Главного штаба. Я потом под ней на электросамокате гонял. А тогда... под этой аркой сани, «запряжённые» людьми, едва тащились.

Туда-сюда. Сани из чёрно-белой хроники. На них – дрова, вода в вёдрах, вещи в узлах и... трупы. Трупы, завёрнутые в белые простыни... и не завёрнутые, просто – окоченелые, подобранные на улице.

«Под ногами тяжесть мостовой». Та бесконечная зима 1941–1942 опрокинула законы физики, и на истощённых, обескровленных ленинградцев тяжесть давила даже снизу, с мостовой, к которой будто бы прилипали опухшие от голода ноги.

Бессонница выплёскивает на меня кадры хроники: стоящие на коленях дети и старики ковшиками черпают ледяную воду из проруби в Фонтанке, на санях тянут домой за несколько километров.

«Я спешу... спешу к себе домой». Спешит к очагу, давно не согревающему, к столу, забывшему съестное.

эх, дойти б до Площади Восстания.
только б не упасть на полпути.
сани...
стужа...
сани...
ветер...
сани...
я дойду! я обещал дойти!

Площадь Восстания. Картинка с экскурсионной открытки. Утопающее в огнях и суетливом движении транспортное кольцо с обелиском городу-герою в самом центре, с грандиозной ротондой станции метро и вечно переполненной пирожковой на Восстания 1. Тогда – тоже центр жизни. ДОТ из выщербленного кирпича, люди, закутанные в тряпьё, как призраки, скользящие к перрону ЖД вокзала – месту эвакуации горожан. Здесь всегда кто-то есть. «Дойти до Площади Восстания» – обрести надежду, что тебе не дадут упасть, поддержат или поднимут.

там в квартире пятилетний Ваня
спрашивает маму про еду.
сани...
ветер...
сани...
стужа...
сани...
потерпи, братишка. я иду.

«Потерпи, братишка...». А насколько же он старше Вани? Видимо, самый крепкий из семьи, раз его отправили. Видимо, последняя надежда.

Строки ударяют в виски отзвуками настенных часов, хрустящим скрипом снега под валенками и ударами ленинградского метронома. Откуда они настигают меня?

Са-ни...
Ве-тер...
Сту-жа...
Са-ни...

Понимаю. Брат весь день вслух учил стих для конкурса чтецов. Ударял стужей, хлестал ветром... Странно! Я ведь совсем не слушал..., не слышал. Ничего, кроме зычного, многократно повторённого братом объявления: Алексей Котельников. Стихотворение «Ленинградский метроном».

мама не ответит и не встанет.
я несу тебе её «обед».
сани...
стужа...
сани...
ветер...
сани...
а сегодня маме сорок лет.

Уже не ответит. Один Ванюшка дома. Спрашивает про еду у коченеющей в день своего рождения матери. Сорок лет, говорят, не отмечают. Она и не отметила... Можно ли жить дальше, если лишился самого дорогого?! Её объятий, любви, защиты. Есть ли смысл мучительно поддерживать в себе жизнь её «обедом» – заветными 125 граммами?

главное, не потерять сознанье.
почему в глазах темным-темно?
сани...
ветер...
сани...
стужа...
сани...
будем жить, Ванюшка, всё равно!

Мелькающие в обморочном мороке сани. Кто-то, переставляя ватные ноги, тянет за собой надежду, на часы продлевая себе жизнь торфом, дровами, водой. Другие – волокут отчаянье, скорбное свидетельство поражения в схватке со смертью... А ведь и для мамы теперь нужны сани!..

«Будем жить, Ванюшка, всё равно!» Обескровленная мучительной смертью матери душа ребёнка находит силы для надежды и борьбы. Источник этой силы – истовое желание вырвать братишку из пасти зажравшейся смерти, не допустить, чтобы жертва мамы оказалась напрасной.

ты пойдёшь на первое свиданье
сразу, как немного подрастёшь.
сани...
стужа...
сани...
ветер...
сани...
отчего в ногах такая дрожь?

Преодолевая пронизывающий ленинградский ветер и лютую стужу, борясь с дрожью в обмякших ногах, едва несущих ослабевшее тельце, скимая спасительный «обед» для брата, парнишка рисует в воображении картины счастливого будущего... как заклинание, твердит обнадёживающие слова, сам себя ободряет, потому что его некому больше ободрять.

боль в груди, и всё плывет в тумане...
грейся, Ванька, там, в печи трюмо.
сани...
ветер...
сани...
стужа...
сани...
лишь бы ты...
дождался.
лишь бы...
СМО...

Сжигаемая для обогрева мебель – трагическое свидетельство ленинградского лихолетья. Упывающее сознание мальчишки отчаянно посыпает брату установку: «Грейся, Ванька...». Потерявший последние силы,

сам уже не способный ни на какое действие, он заклинает Ваню на это желаемое действие – дождись!

Слово обрывается, застывая на губах. Что это? Минутный обморок или финал детской жизни? Двух жизней. Погибнут ли они, как их мать и ещё более миллиона ленинградцев, или, пройдя сквозь жерло блокады, пронесут этот подвиг через всю свою жизнь?

...Часы отбивают минуты бессонницы. Где-то внутри меня отстукивает ритм ленинградский метроном, перед глазами всё всплывают кадры военной хроники, в голове звучит поэтический гимн надежде, пульсирующей в каждом вздохе лирического героя – мужественного, сильного духом парнишки, взрослого ребёнка, мальчика-мужчины, главы маленькой осиротевшей семьи... Я почти физически ощущаю, как с каждой строкой этого стихотворения истончается грань между жизнью и смертью, а подвиг Ваниного брата обретает истинное бессмертие.

... Бессонницу я победил (всему же приходит конец!). А на следующий день победил и мой брат. Завоевал Гран-при конкурса чтецов со стихотворением Алексея Котельникова «Ленинградский метроном» – пронзительным поэтическим произведением, через мысли юного ленинградца передавшим всю боль и надежду, трагедию и подвиг советского народа во время Великой Отечественной войны.

Азимова Сакина Хамил кызы

3 курс

ГАПОУ СО «Екатеринбургский промышленно-технологический техникум им. В. М. Курочкина»
г. Екатеринбург

Тематическое направление:

«Преступления против детства в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.»

Жанр сочинения: рассказ

Встреча в пути

Волонтёрский отряд техникума возвращался с юга домой, в Екатеринбург. Шумная молодая компания наполнила плацкартное купе, где находилось место вожатой Юли, до отказа, даже на верхних полках сидели по три-четыре студента. Но на нижней полке слева расположился только один человек. Это место занимала смешная маленькая старушка, похожая на сову: щеки ее обвисли, нос загибался крючком над маленьким ртом, а круглые большие глаза смотрели на соседей с добрым любопытством.

– Мы Вам не мешаем? – заботливо спросила вожатая Юля старушку.

– Ну что вы! Люблю молодёжь! Да и с Уралом меня связывают самые тёплые чувства.

Ребята весело вспоминали своё путешествие по Крыму, перебивая друг друга, снова и снова переживали самые интересные события поездки:

– А помнишь, как нас гроза в горах застала и мы на заброшенной турбазе ночевали?

– Да это вообще круто было: запасов еды нет, сменной одежды нет – голод и холод протянули к нам свои костлявые руки! – дурачились ребята.

– Теперь-то я знаю, что чувствовали люди в блокаду Ленинграда...

При этих словах лицо старушки-соседки вдруг побледнело, губы задрожали, своей сухой маленькой ладошкой она дважды ударила по столу и неожиданно гневно сказала:

– Не смейте, не смейте так говорить! Что вы знаете о блокаде?!

Ребята испуганно притихли, и под стук колес полетела история девочки, которая пережила блокаду:

– Зовут меня Людмила Александровна Милютина. Когда началась война, мне минуло пять лет. Всю блокаду от первого до последнего дня я прожила в Ленинграде. А расскажу я вам, детки, одну историю чудесного спасения от голода и смерти, может, поймёте, что такое блокада...

После пожара, который уничтожил дом и все имущество семьи морозной январской ночью сорок второго года, Марию Николаевну Милютину, маму маленькой Людочки, вместе с дочкой управхоз определил на жительство в большую коммунальную кухню соседнего дома.

– Вот вам повезло! – говорил он. – Печь кирпичная на шесть конфорок тут имеется, и еду приготовить можно, и тепло долго хранить будет.

Сюда же поселили и шестилетнего Сережу с мамой, соседей из уничтоженного пожаром дома.

Женщины уходили с утра на завод, возвращались поздно, измученные, подтапливали печь, кипятили воду, ужинали теми крохами, что удалось раздобыть, ложились спать. Сереже и Люде мамы стелили прямо на плите, сами пристраивались к печи полусидя, склонив голову к тёплой чугунной поверхности.

Дни и ночи первой блокадной зимы тянулись для детей мучительно долго. Время, казалось, замерло и отсчитывало только секунды счастья: завтрак – четыре сухарика сантиметр на сантиметр, обед – шесть сухариков, ужин – жиденькая похлебка и четыре сухарика. Слабые от постоянного голода Серёжа и Люда почти не сходили с печи.

Однажды утром сквозь марево тревожного сна Людочка услышала истошный визг Серёжи. Мама его ночью умерла, мальчишка не мог высвободить свою ручку из её окоченевшей руки и отчаянно, надсадно визжал. Поняв, что случилось, дети зарыдали в голос. Мария Николаевна освободила Сережу, положила его маму на лавку, обняла малышей и сказала спокойно:

– Раз ревёте, значит, живые... Надо жить, ребята... Надо терпеть и жить... Это все обязательно кончится... Верьте, мы победим... Не одолеть нас фашистским гадам!

После смерти мамы Серёжа остался круглым сиротой: на отца его уже давно была получена похоронка. Мария Николаевна не стала отдавать мальчишку в детский дом, пожалела.

Она очень боялась оставлять детей дома одних, глядела каждое утро на них тревожными воспалёнными глазами: «Увижу ли снова?» К началу весны маме удалось договориться о переселении своего семейства прямо на завод в пустующую комнату бухгалтерии.

На новое место жительства шли долго пешком друг за другом по узенькой тропочке, протоптанной между сугробами.

– Не падайте только! Упал, считай, умер... Мне вас не донести... Устанете, лучше постоим, потом снова пойдём, – говорила Мария Николаевна детям.

На тропинке встречались люди, тихие, похожие на тени, попадались и покойники, через них приходилось перешагивать. Дети жмурились от страха и жались друг к другу. Мама повторяла: «Не бойтесь, их скоро уберут...» Дорога казалась Сереже и Люде вечностью. Но пришёл конец и ей.

В бухгалтерии детям понравилось: в чистую светлую комнату выходила стена жарко натопленной изразцовой печи, было тепло и по-довоенному уютно.

Вечером того же дня пришёл к новосёлам мастер цеха, в котором работала Мария Николаевна, принёс с собой небольшой прямоугольный ящик, подмигнул детям:

– Ну что, с переездом вас, гаврики! Хорошо, смотрю, устроились. Вот вам к новоселью и посыпочка, – сказал мастер и поставил ящик на стол.

– Нам? Точно нам? – в замешательстве спросила мама.

– Именно так. Прямо с Урала – вам. На ней ясно написано: «Жителям блокадного Ленинграда». И приписочка есть: «Мамочке с детьми».

Мужчина помог открыть посылку, мама ахнула и заплакала, глядя на содержимое. В ящике лежали два шматка сала, мешочек ржаных сухарей и две пары детских носочков и варежек.

– Ведь мы до лета с таким богатством доживём! – счастливо шептала Мария Николаевна, перебирая неожиданные подарки.

– И до победы доживём! Правда, гаврики? Вся страна, ребята, с нами...

«Вот так вот, деточки, – задумчиво проговорила старушка-соседка, заканчивая свой рассказ, – если бы не та посыпочка с Урала, мы бы вряд ли до лета дожили, попали бы в скорбный список умерших от голода ленинградцев, ведь доходягами уже были. Безымянные уральцы спасли и меня, и маму, и названого братца Сережу. Может, это кто-то из ваших предков нам руку помощи протянул...»

Она заулыбалась, смущённо оглядывая притихших и потрясённых ребят. Им сейчас казалось, что рядом сидит не старушка, похожая на сову, а маленькая хрупкая Людочка, которая пережила такое, что и представить сложно. Блокада, которая казалась им раньше чем-то вроде истории из острогюжетного фильма, стала вдруг страшной трагической реальностью, которая переворачивала душу.

ГАОУ ДПО СО "ИРО"

Работы победителей регионального этапа

Всероссийского конкурса
исследовательских проектов
«Без срока давности»

ГАОУ
ДПО «СФУ»

Раздел 2

2022 год

Цуранова Юлия Сергеевна
11 класс
Арбузова Анастасия Александровна
9 класс

МАОУ СОШ № 11,
Тавдинский ГО
Тематическое направление:
«Памятные объекты»

На братских могилах не ставят крестов...

<https://disk.yandex.ru/i/E7RZm-53ZKnHOA>

Ягофаров Альберт Акрамович
8 класс
МБОУ СОШ № 7
Артемовский ГО

Тематическое направление:
«Архивные документы и периодическая
печать»

Роль периодической печати в поднятии боевого духа и сплоченности советского народа во времена Великой Отечественной войны

<https://rutube.ru/video/private/307345f64db8afa8786a23bc3d6aff83/?p=X4E0qYYzIJUEv3Sq0O2W2Q>

<https://kurl.ru/cVtVS>

Закопаева Вероника Романовна
Мордвинова Надежда Александровна
Филистеева Злата Дмитриевна
8 класс

МБОУ СОШ № 67 имени Героя Российской Федерации В. В. Замараева
ГО «Город Лесной»
Тематическое направление:
«Источники личного происхождения»

Три судьбы одной войны

<https://disk.yandex.ru/i/IUQ8s8NOQ51iVg>

Пономарева Ангелина Эдуардовна
Кузьмичева Ирина Николаевна
10 класс
МАОУ СОШ № 9
ГО Ревда

Тематическое направление:
«Произведения искусства военных лет»

Великая Отечественная война в искусстве

<https://disk.yandex.ru/d/nik8ZynsBzdqZw>

2023 год

Синельникова Дарья Анатольевна
11 класс
МАОУ СОШ № 7
Тавдинский ГО

Тематическое направление:
«Планирование и осуществление
нацистской Германией геноцида в СССР:
документы, деятели и организации»

Планы Третьего рейха по уничтожению народов СССР

<https://drive.google.com/file/d/1vJwX48VxVgjizl8hAWpcE81dy-MFbEsY/view?usp=drivesdk>

Айтиева Ирина Сергеевна
Гайнуллина Александра Денисовна
Павлова Дарья Вячеславовна
10 класс
МАОУ Лицей № 3
Березовский ГО

Тематическое направление:
«Отражение геноцида в архивных
документах: работа с историческими
источниками из базы данных и серии
сборников архивных документов
проекта «Без срока давности»
(бессрокадавности.рф)»

Архивные документы как возможность узнать правду о геноциде советского народа в годы Великой Отечественной войны

<https://disk.yandex.ru/d/KV-Fqo1gMcBw7w>

Шорохова Юлия Алексеевна
Татарченков Семен Павлович
2 курс
ГАПОУ СО «Первоуральский
политехникум»
ГО Первоуральск

Тематическое направление:
«Угон мирных жителей СССР
на принудительные работы в Германию –
как акт геноцида»

Мигачева Александра Ильинична – узник фашистских лагерей

<https://disk.yandex.ru/i/Wa3GyH69FpGPDQ>

Мережников Арсений Алексеевич
8 класс
МАОУ СОШ № 68
г. Екатеринбург

Тематическое направление:
«Судебные процессы в СССР и Российской
Федерации, посвящённые раскрытию
обстоятельств военных преступлений
нацистов и их пособников и геноцида
мирных советских граждан в годы Великой
Отечественной войны 1941–1945 гг.»

Судебные процессы над нацистами и их наймитами в годы Великой Отечественной войны: есть ли срок давности?

<https://yadi.sk/i/eOeQnp46eXuaeQ>

Скляр Виктория Викторовна
8 класс
МБОУ СОШ № 95
г. Екатеринбург

Тематическое направление:
«Места памяти геноцида советского
народа, совершенного нацистами
и их пособниками во время Великой
Отечественной войны 1941–1945 гг.»

Нельзя забыть – трагедия 214 детей-инвалидов Ейского детского дома

<https://disk.yandex.ru/i/D1ghtlN5wWWsAg>

Коновалов Егор Дмитриевич
9 класс
МАОУ «СОШ № 2 с углубленным
изучением отдельных предметов
имени М. И. Талыкова»
ГО Верхняя Пышма

Тематическое направление:
«Планирование и осуществление
нацистской Германией геноцида в СССР:
документы, деятели и организации»

Планирование и осуществление нацистской Германией геноцида в СССР: документы, деятели и организации

<https://cloud.mail.ru/stock/p45ZUDUW2Wgze1eX9j5Bp1z>

Торовина Екатерина Владимировна
10 класс
МАОУ Гимназия
ГО Нижняя Салда

Тематическое направление:
«Угон мирных жителей СССР
на принудительные работы в Германию
как акт геноцида»

Узники концлагеря Бухенвальд – бесплатная рабочая сила Третьего рейха

<https://disk.yandex.ru/i/CfUwzxj9rHbeIA>

<https://cloud.mail.ru/public/o3QT/UNVEo74rZ>

Долматова Карина Руслановна
1 курс
ГАПОУ СО «Нижнетагильский
государственный профессиональный
колледж имени Н. А. Демидова»
г. Нижняя Тагил

Тематическое направление:
«Места памяти геноцида советского
народа, совершенного нацистами
и их пособниками во время Великой
Отечественной войны 1941–1945 гг.»

Лишённые права на детство

<https://cloud.mail.ru/stock/ebptE1LaVhGGCxsn0M7wBVSC>

Михалева Ульяна Максимовна
Червяков Владимир Иванович
Султаншина Милана Марсельевна

8 класс
МАОУ «Еврогимназия»
ГО Ревда

Без срока давности

https://disk.yandex.ru/d/PrqUgV_GBaqvA

2025 год

Скутин Вадим Денисович
1 курс
ГАПОУ СО «Артемовский колледж
точного приборостроения»
Артемовский МО

Тематическое направление:
«Планирование и осуществление
нацистской Германией геноцида в СССР:
документы, деятели и организации»

Геноцид в судьбах Артемовского

<https://disk.yandex.ru/i/SYQlz25Mql61Rw>

Палагина Елизавета Алексеевна
Сиваев Александр Евгеньевич
11 класс
МАОУ Лицей № 88
г. Екатеринбург

Тематическое направление:
«Угон мирных жителей СССР
на принудительные работы
в Германию как акт геноцида»

«ГОВОРЯТ УЗНИКИ ФАШИЗМА», или книга, которая потрясла...

<https://disk.yandex.ru/i/s-8AU0dw2Q8fdg>

Лыжина Анастасия Шакировна
9 класс
МБОУ СОШ № 7
МО Ревда

Тематическое направление:
«Места памяти геноцида советского народа, совершенного нацистами и их пособниками во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.»

Нельзя забыть!

https://disk.yandex.ru/d/nqhASfD_-98Eqg

Белоносова Валерия Алексеевна
Лобанов Александр Сергеевич
8 класс
МАОУ СОШ № 146
г. Екатеринбург

Тематическое направление:
«Судебные процессы в СССР и Российской Федерации, посвящённые раскрытию обстоятельств военных преступлений нацистов и их пособников и геноцида мирных советских граждан в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.»

Эхо Нюрнберга. Блокада Ленинграда признана геноцидом советского народа

<https://disk.yandex.ru/d/6Pgm7EVL5XP7-Q>

Бутырлева Анастасия Максимовна
11 класс
МАОУ «Слободотуринская СОШ № 2»
Слободо-Туринский МО

Тематическое направление:
«Создание системы концентрационных лагерей, как способ организации геноцида советского народа (к 80-летию со дня освобождения концентрационного лагеря Освенцим)»

Саласпилс: история, написанная сердцем

<https://disk.yandex.ru/i/lUwT68eqYSnzFw>

Галкин Дмитрий Владимирович
10 класс
МКОУ «Усть-Ницинская СОШ»
Слободо-Туринский МО

Тематическое направление:
«Осуждение геноцида советского народа
в истории международного права
(к 80-летию со дня начала Нюрнбергского
процесса)»

История одной фотографии

<https://disk.yandex.ru/i/e0ZfeduTXYcPHA>

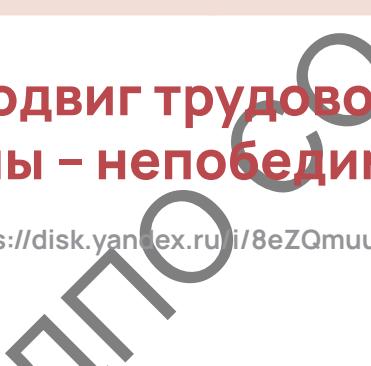

Попова Виктория Сергеевна
8 класс
МАОУ «СОШ № 1
имени Е. В. Панкратьева»
Нижнетуринский МО

Тематическое направление:
«Отражение геноцида в архивных
документах: работа с историческими
источниками, представленными на сайте
проекта «Без срока давности»

Вы, совершая подвиг трудовой, всем доказали: мы – непобедимы!

<https://disk.yandex.ru/i/8eZQmuucrtwseQ>

Мельников Семен Алексеевич
10 класс
МАОУ «Школа № 58»
Камышловский ГО

Тематическое направление:
«Преступления нацистов и неонацистов:
сравнительные исследования»

«Учителя» и «ученики»: военные преступления нацистов и неонацистов в Курской области»

https://disk.yandex.ru/i/a_ipy0OE6kBb3g

